

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОВОЗОР

3/888

МОЯ СЕМЬЯ -
МОЕ
БОГАТСТВО

Ю.Черниченко: непарадные размышления
Мужчины о женщинах
Взятка для самого министра
Сто двадцать внуков бабушки Бавакан
Неизвестная запись Максима Горького
Новое имя — композитор Сергеева

1

2

3

4

5

6

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

7

8

9

10

11

12

Народные песни — любовь наша
Классика или рок?..

Поэт Александр Розенбаум
Г. Хазанов: твой вклад в перестройку?

Загадка Майкла Джексона (США)
Группа «Лабиринт»

СОЗДАНЫ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

Наверно, о женщине думать и рассуждать всегда приятно — недаром так много великих мужей посвятили женщинам столь прекрасные произведения в разных жанрах искусства. И вообще, когда произносится это слово — нежно-протяжное, без единого взрывного, рокочущего согласного звука, на душе становится спокойнее и теплее. В эпоху матриархата женщина была на первых ролях в обществе. Но и теперь в роли «слабого пола» мы вряд ли можем пожаловаться на непризнание нашего главенства во многих областях жизни. Мы так привыкли к своему равноправию, так его прочно осознали и так широко воспользовались им, что невольно ловишь себя на мысли: а не слишком ли далеко мы зашли? Не нарушается ли и в этом, как почти повсюду на протяжении XX века, некий природный баланс?

Семьдесят лет назад в лучах новой веры женщина получила в протянутые руки бесценный и, как выяснилось, опасный дар — равноправие. Казалось, все области жизни, прежде закрытые, широко распахнулись, появилась возможность летать на самолете за облаками и стоять у школьной доски, проникать в тайны человеческого мозга и водить поезд. Весь мир открылся женщине — такого еще не бывало в человеческой истории. Поначалу дети еще как-то удерживали женщину дома, но сеть детских садов, яслей, школ, непрерывно увеличивающаяся и улучшающаяся, хотя по сей день еще не прекрасная и не всеохватная, утверждала ее уверенность в заботах государства о ее ребенке и сообщала ей спокойствие более или менее устойчивое.

В войну женское равноправие превратилось в норму, миллионы женщин заняли места мужчин в тылу, а многие и на фронте. Но им долженствовало и тогда оставаться самими собою — на руках у них были дети и старики. И при всех тяготах и испытаниях им надо было излучать согревающий свет любви к тем, кто бился с врагом насмерть на полях сражений:

На позицию девушка провожала бойца.

Темной ночью простились на ступеньках крыльца.

И пока за туманами видеть мог паренек,

На окошке на девичьем все горел огонек.

Вспоминаю два разговора. Девушка, родившаяся в семидесятом году, с горечью вопрошала: «Как же вы могли жить, когда лежало столько тяжести на женских плечах! Как выжили?» И старая женщина, стоявшая в пору войны у станка, ответила: «Сейчас вспоминаю и сама удивляюсь, как тогда выжила. А ведь молодость была — самое счастливое время. И сквозь горе, и сквозь беды, нехватку, горькие потери чувствовала, что жизнь — это счастье». Вот она, вечная жен-

ская сила, жизнеспособность, побеждающая любые невзгоды и горести!

Сегодня, в пору перестройки, мы много и нередко чрезмерно запальчиво говорим о всевозможных неполадках в нашей жизни,

спасаем от гибели озера и песа, и это, безусловно, необходимо. Но мы почему-то редко вспоминаем о женщине, которая за последние десятилетия резко продвинулась по дороге от равноправия с мужчиной к равенству с ним. Но такой дороги не должно быть. Она противоестественна. Впрочем, критиковать все умеют. А все ли мы делаем, дабы женщина могла найти свой гармоничный путь развития, занять подобающее ей место в обществе? Чтобы ее влияние сильнее распространялось на душевное, нравственное и физическое состояние мужчины, детей.

Вот мы и подошли к главной проблеме — проблеме семьи. Какое это сложное, могучее природное образование, как многое неведомо нам самим, часто ищущим в верхних слоях атмосферы ответы на вопросы, лежащие под подушкой!

В семье заключены как бы четыре времени жизни человеческой. Они выражаются в конкретных людях, в конкретных отношениях между ними.

Настоящее время — это те двое, которые образовали семью, мужчина и женщина, муж и жена.

Прошедшее время — это те, уже четверо, кто создал двоих и кто своим опытом и силой жизни дает семье примеры того, как надо и не надо жить. Но вот вопрос: всегда ли дает?

Будущее время — это тот или те, ради кого создается семья, — наши дети. Им подчинены едва ли не все семейные интересы. Сколько мудрости, жизненного опыта надо употребить, чтобы это подчинение было детям не во вред, а в радость.

Есть еще одно время — вечное — это прапрапрародители, как правило, уже ушедшие в прошлое, но существующие в памяти семьи, это история рода, основание, на котором стоит семейное здание.

Не пытаемся ли мы сегодня подменять два понятия: «брак» и «семья»? Брак — понятие юридиче-

О том, каков идеал современной женщины для космонавта Виктора Горбатко, поэта Олега Шестинского, режиссера Марка Захарова и футболиста Рината Дасаева, вы можете услышать на второй звуковой странице.

ское, и одним лишь формальным заключением брака семьи не создать. Что такое сегодняшние массовые разводы? Печальный результат поспешно зарегистрированных браков, утраты чувства ответственности друг за друга, непонимания смысла и значения семьи для собственной жизни, для общества. Все браки одинаковы, а семьи все разные. Не пришла ли пора всей нашей большой семье — нашему обществу — задуматься над разграничением роли мужчины и женщины в семье, дабы излишние амбиции каждого из них не вели к ее разрушению? Да, женщина может все. Недаром Редьярд Киплинг когда-то обмолвился: «Самая глупая женщина может сладить с умным мужчиной, но с дураком сладит лишь самая умная». Но как часто микроклимат, теплота и крепость уз в семье зависят от мужчины, от его такта, ума и воспитания.

— Мне кажется, что женщина, мужчина и семья созданы друг для друга самой природой, — делится со мной в письме наблюдениями над жизнью Николай Макарович Шевченко из города Могилева. — Они должны любить, уважать друг друга, понимать, помогать, уступать друг другу и всякие мелочи и недоделки, если они возникают, решать только обоюдно. Мне кажется, что мужской пол, за некоторым исключением, более покладистый, спокойный, уравновешенный, реальный и не такой завистливый, как женщины. Женщине часто хочется нечто большего, чем дает жизнь, ее любопытство переходит все границы, ей хочется обсудить всех и вся, вмешаться во все дела, хотя подчас это вовсе не нужно».

Эти рассуждения содержат немалую долю истины, кроме, может быть, слов: «должны любить». Эти два слова взаимоисключающие. Да, женщине сегодня есть смысл задуматься над своей жизнью, месте в семье прежде всего, и пересмотреть многие свои житейские ошибки. Однако именно женщине нужно прежде всего утвердить в обществе необходимость отношения к ней с той мерой уважения, которая предопределена природой и которую она исторически заслужила.

Восьмое марта есть Восьмое марта. В такой день хочется быть великодушной и не затверждать лишней раз свои права, а обратить слово к «пострадавшей» половине человечества, к мужчинам, потеснившимся, признавшим, уступившим нам.

Спасибо!

Спасибо вам, сильные, за то, что вы так часто даете нам повод восхищаться и гордиться вами — отцами, сыновьями, мужьями, братьями.

Спасибо за вашу слабость, без которой мы не могли бы жалеть вас, спасать и помогать. Вы сделали наше материнство могущественной силой и дали право осознать свою власть над вами именно в минуты слабости. Трудно даже передать словами то всеженское чувство, когда подставляешь свое слабое плечо сильному.

В день 8 Марта я хочу поздравить тех, с кем мы равны, ибо это наш общий праздник, кстати, заметьте, выходной день. Пока он существует и празднуется столь широко, это значит, что полного и окончательного равенства, слава богу, еще не произошло. Значит, у вас, дорогие, еще есть надежды утвердиться на своих сильных позициях, а у нас сохраняется возможность что-то еще существенно подправить в нашем положении, чтобы во все будущие времена о женщине думать и рассуждать было радостно и светло, каких бы новых поворотов не уготовила ей судьба на земле. ■

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Фото А. ЛИДОВА

Тридцать лет и три года занимаюсь (как бы определить свое дело?) аграрным летописанием. Начал с заметок о распашке ковылей Кулунды, сейчас вычитываю верстки книг. После целинного хуторского университета изъездил довольно тщательно аграрную зону государства от Бреста до Байкала, побывал с аграрным прицелом в полутора десятках стран. Убедился, что многие державы — и социалистические в том числе! — развивались в пятилетия моей работы аграрно намного, намного быстрее, чем страна моих отцов. Снимал, выступал перед камерой, но и пытался сам испытать работу свекловода, штурвального на комбайне... Исследовал дела в русской пшенице, картошке, винограде, сельхозмашиностроении.

— И что? Стало лучше? — спросил меня раз старый скептик, рисуя по привычке петушков и орнамент. — Честно только: достигли, чего хотели, или, лучше сказать, что обещали?

— Нет, к сожалению, — ответил я. — Чего хотел — не достиг. Что обещалось (методически, неоднократно) — тоже.

— То-то же. Вот когда я в Петрограде подсолнухи продавал — так это были подсолнухи! Не вашей лузге чета, — и он вновь принялся за сплошной узор.

Ну и не оставляли бы такое дельное занятие! А то ведь пода-

тивные обстоятельства, зато сегодня звон как хорошо. И чем хуже и вредней делалось наемднн, тем, значит, радостнее нам творить теперь.

Воздвигание разрывов, стен между «вчера» и «сегодня»! Рассечение «было» и «стало». Вот что являлось ремеслом людей моей профессии. До целины — и после таковой, до территориальных управлений — и в светлый период их торжества, до Госагропрома, и, слава богу, наконец-то при нем...

Элементарное понимание, что сегодня вырастает именно из вчерашнего дня, что, посадив анис-яблоню, ты никак не дождешься от деревца сицилийских лимонов, что генетика одинаково властна как в растениеводстве, так и в социальном развитии. За тщательной кладкой эстонца — века европейской аккуратности, равно как за поливным умением таджика — тысячелетия жары и засух, и таджика ты эстонцем не объявишь, как и наймита, прислужника хлопотливым и расторопным хозяином не сделаешь, — это элементарное понимание могло, наверное, прийти и быстрее и проще! Но к моему поколению, увы, оно приходит только сейчас. Может, младшим повезет больше — проявят ускорение.

«Производительные силы», «производственные отношения» —

НО... СЧИТАЕТ ПУБЛИЦИСТ

ЮРИЙ ЧЕРНИЧЕНКО:

ЛОВИТЕ МОМЕНТ АЗАРТНОЙ РАБОТЫ

Слушайте первую звуковую страницу.

лись руководить. Не потому ли у меня, как изволите формулировать, лузга? У вас было столько «дальнейших развитий» и «коренных переломов», а квитаться приходится мне?

Так, верно, надлежало бы мне ответить тому властному рисовальщику, но я смолчал. Не из трусости, нет. В самом ведь деле — многовато лузги было, и спрашивать всегда лучше с себя, а не с чужих рисованных петушков...

Правилком, которым школили меня и тот орнаменталист, и многие прочие, было: ладно, пускай вчера было плоховато, тому были персональные причины и объек-

В студенчестве для меня это были отнюдь не самые увлекательные категории. Теперь я знаю, что сколько ни делай комбайнов, хоть в десять раз больше американцев (фактически мы делаем в 11 раз больше), сколько ни переводы газа на азотное удобрение, а без соответственно измененных производственных отношений, в которых агродело видит прежде всего самоощущение человека в поле (хозяин он или наемник?), успеха достичь нельзя.

Поэтому я жадно ловлю перемены в производственных отношениях. Если права человека в колхозе сохраняются такими же, как 55 лет назад, то и надои, как их ни накручивай зоотехникой, будут держаться уровня начала 30-х годов. Если пахарю плевать, поползет ли овраг еще дальше, разрушит ли ничейное поле, то никакие супергибриды сегодняшней Европы не принесут положенный сбор. Тут, увы, закон. Был опыт, расписывали буквально каждый день колхозного года, брали в клещи инструкции каждую операцию на картошке, морковке, петрушке — и все прахом, урожай не рос. Тут закон, а против него не попрешь.

Все серьезные успехи перестройки в сельском хозяйстве связаны прямо и непосредственно с модернизацией отношений людей в процессе производства. Коллективы интенсивного труда — западносибирские КИТы — вдруг за один год поднимают производительность труда не на 5—7 процентов, как мечтал бы районный экономист, а на 250 процентов сразу! На тех же тракторах, при тех же ростовских «Нивах» — и канадский уровень затрат труда на зерно. Конечно, КИТ новосибирцев братьев Кожуховых показал только нормальную нынешнюю выработку человека (около ста тысяч рублей в год), высветив ненормальность, связанность обыкновенной, внезвеньевой, внехозрасчетной работы.

Грузинский Госагропром поставил опыт в высокогорье Сванетии — раздал совхозные фермы семьям сванов на подряд, и вдруг обнаружилось, сколько ненужного люда с портфелями коротает век при конторах. Стали людям платить только по весу готового сыра — и по 80 штатных единиц громоздкого, скрипучего, ложно значительного чиновничьего аппарата плано-убыточного совхоза вдруг превратились в смысленых и трудолюбивых скотоводов и сырделов, и редкая семья теперь не зарабатывает по тысяче в месяц. А на совхоз остались только директор, бухгалтер да весовщик...

Едва ли не самым знаменитым сегодняшним селянином стал «архангельский мужик» Сивков — герой телефильма и газетных публикаций. Уже известно, чем кончи-

лась экономическая сторона борьбы бунтаря: Николай Сивков стал председателем сельскохозяйственного кооператива. Его духовное распрямление, его нравственная победа уже налицо. Но Сивков недаром носит почти ломоносовское прозвание: он отличается от мужиков с казенных комплексов наслаждением от работы. Получение радости от собственной рабочей свободы — еще до получения таких или иных рублей! Признание курганского шофера по фамилии Булгаков: «В звене работа была — как удовольствие. Это мне повезло, что под старость лет удалось так поработать. Приходил домой и думал — господи, как хорошо, что завтра опять без колготы, суеты, подзатыльников, со своими хлопцами, за что мне такое счастье?»

Лично я давно исчерпал все лимиты на искренне-бодрые концовки фильмов, очерков и передач. Но тревога в ресурсах осталась — и с готовностью расходуя возможность поделиться тревогой.

Не о продовольственных планах-обещаниях беспокоюсь — были одни, будут другие, свято место пусто не бывает. Не о продовольственном импорте — все равно он противоестествен, разорителен, и песенка его спета, оборвется она тем раньше, чем смелей и громче будем говорить о закупках зерна, привозе масла, импорте мяса, хлопчатника, кожаных башмаков, сахара и прочего, что нам следовало бы вывозить, продавать, сбывать и тем конкурировать. Не о заросшей в верховьях Волги пашне — все равно раскинувшаяся на краешке щедрого XX века пахотная, кормящая, по тысяче урожаев давшая земля пустовать не может. Выхода нет — вернуться и освоить.

Тревога о моих кровных, о единоплеменниках, которым сейчас между двадцатью и тридцатью! Хлопцы, не упустите момента. Не отдавайте только шоферу Булгакову и нам, старичью, наслаждение свободной работой. На дворе время перемен. Сводить все многообразие сельской жизни, все мыслимые формы к колхозу или совхозу, а уже и третьего не дано — это как делить всех людей только на штатских и военных. А есть, между прочим, и физики, и лирики, и умные, и шефы, и гаишники, и цветоводы...

Но формы использования щедрот земли еще многообразней, пестрей, их должно быть больше, чем природных зон. Не уговариваю что-либо бросать, с чем-то торопиться. Единственное: не прозевать!

Ловите момент азартной работы, используйте его для дела, реализуйте для своей молодости, а уж мой возраст, судя по опыту, своего не упустит...

КРЕПКИ ЛИ УЗЫ ГИМЕНЕЯ?

Еще два-три года назад многие статистические данные были для большинства «тайной за семью печатями». Минувший год снял покров «закрытости» с 90 тысяч статистических показателей. Подготовленный Госкомстатом СССР материал дает представление о самых разных сторонах нашей жизни.

В нашей стране 70 миллионов семей. Отчетливо выражена тенденция к омоложению семейного союза. В первый брак в возрасте до 25 лет вступает свыше 80 процентов женщин и около 70 процентов мужчин.

В течение первого года у 80 процентов молодых семей рождается ребенок. А второй появляется лишь в каждой четвертой, пятой семье. Число семей из трех человек составляет 79 процентов.

В стране ежегодно происходит 930—950 тысяч разводов, в результате 700 тысяч детей остаются без одного из родителей.

Шансов на заключение повторного брака значительно больше у мужчин. Спустя 10 лет после развода или потери супруга в новый брак вступают свыше половины мужчин и только четверть женщин. Между прочим, повторные браки распадаются гораздо чаще, чем первые. Меньше разводов на селе, больше — в крупных городах. Очень много их в Европейской части страны, меньше — в Средней Азии и Закавказье.

Свадьбы чаще всего играют в Ленинграде. На тысячу человек там около 12 браков.

Больше всего малышей на тысячу человек населения родилось за год в Душанбе — более 25, в Москве — свыше 14, столько же в Киеве, чуть больше в Ленинграде. Меньше всего рождается детей на тысячу человек в Одессе — около 12. Особо подчеркнем, что за последние два года в целом по стране рождаемость повысилась. В этот период ежегодно появлялось на свет 5,8 миллиона детей. А в 1980 году — 4,9 миллиона.

Самые прочные браки, как свидетельствует статистика, в Тбилиси и Ереване. Например, в Ереване приходится только 2 развода на тысячу человек.

Часто, пытаясь придать убедительность своему утверждению, мы прибегаем к статистике. Ее вы найдете и на этой странице. Бесстрастные цифры свидетельствуют, сколько семей создается, сколько разрушается, сколько появляется детей. Но как определить, насколько прочна и дружна та или иная семья, насколько отношения в ней здоровы, чисты, нравственны, каким счастьем наделена она?

Статистика любви и взаимопонимания, дружбы, взаимовыручки, щедрости и самопожертвования, страстности и великодушия... Я такой статистики не представляю. Для меня в этих вопросах важны не цифры, не выкладки, не подсчеты, сделанные на ЭВМ. Как проникнуть в тайны человеческого духа, условия быта, семейные отношения и нравы?..

Так уж исторически сложилось, что семья в Армении стала той основной ячейкой, которая при иноземном владычестве помогла устоять, сохранить культуру и традиции, чтобы при первой возможности они снова влились в духовный мир нации, составили ее нравственный облик.

Может быть, самое дорогое у нас — отношение к детям не только как к опоре на старости лет родителей, но и как к будущему народа. Отсюда и утвердившееся в характере людей уважение к старости, носительнице мудрости, доброты, душевной щедрости — связующих звеньев национального самосознания. Отсюда и крепость родственных, кровных уз. В тяжелые времена каждый мог остаться без пищи, крова, убежища, и только по родственным связям, которые были как нити жизни, всегда могли прийти помощь, спасение и опора в невзгодах. Веками шлифовались эти родственные отношения, укреплялась народными традициями и обрядами семья. И многие обряды выражают значительность события, подчеркивают его важность не только для семьи, но и для всего народа.

СВЯТОСТЬ СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ

БАБУШКА БАВАКАН И ЕЕ 120 ВНУКОВ

Когда 80 лет назад в горном селении Армении у крестьянина родилась седьмая дочь, он сказал: «Бавакан!». По-русски это означает: «Хватит». Так и назвали девочку. И никто не ведал тогда, что станет она главой целого рода.

Теперь у бабушки Бавакан 120 внуков и правнуков.

А десять ее детей, сыновья и дочери, построили собственными силами, помогая друг другу, целую улицу в селе Норадуз. Сельсовет присвоил ей имя этой семьи — улица Аюбянов. В дом младшего сына, Спартака, мы и приглашаем вас в гости к бабушке Бавакан. Слушайте четвертую звуковую страницу.

Фрагмент хачкара в Эчмиадзине, XIII в.; Дом молодежи в Ереване. Фото А. НАГРАЛЬЯНА и В. ЯКОБСОНА

4

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Шумные свадьбы с обязательным соблюдением ритуалов, добрым многолюдьем — это не просто веселое застолье. Это всегда урок молодым. Всем миром венчали — не подведите! Нетерпимость к нарушениям нравственности в семье, огласка и осуждение в подобных случаях — также инстинктивное неприятие обществом покушений на святая святых — крепость семейных уз.

Большая, крепкая семья... Еще во второй половине XIX века крестьянские семьи в Армении насчитывали 40—50, а в иных случаях 60—70 человек. Потому и возник «дрындез», праздник молодоженов, одним из неперемненных действий которого являются многочисленные визиты молодых к дальним и близким родственникам. Молодые смотрят, как живут их родители, как они трудятся, как умеют радоваться, и они учатся, постигают смысл семейных отношений, получают советы и напутствия.

Конечно же, обращение к традициям, к лучшему, что есть в них, ни в коей мере не снимает необходимости быть внимательным ко всему, что властно входит в жизнь нового поколения. И тут не может быть мелочей. Один лишь пример. В республике недавно создан Центр молодой семьи. До его открытия скептики утверждали, что существование центра знакомств лишено смысла и в нем нет нужды. Но практика показала другое: он необходим даже людям, едва переступившим порог двадцатилетия. О чем это говорит? Наверное, и о том, что от излишней теперь патриархальности и строгости традиций пора отказаться. На смену приходят новые формы общения, новая этика и культура семейных отношений.

Верю, что народ, сумевший пронести через века свою культуру, крепость и святость семейных уз, сумеет глубоко вобрать все передовое, светлое, что несет социалистический быт, и будет строить будущее и счастье каждой семьи, разумно сочетая старое и новое. ■

Михаил ДИЛЯН

Из всех русских писателей XX столетия, кроме Михаила Шолохова, лишь Максим Горький без всяких колебаний может быть поставлен — по художественной силе его творчества и по воздействию на общественное развитие — в один ряд с такими титанами человеческого духа, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой. Так же, как у них, во всем и за всем, о чем бы ни писал, видится Россия, олицетворенная в его произведениях тысячами неповторимых индивидуальностей. Россия — на величайшем историческом переломе, убогая и обильная, слабая и всесильная, страдающая и вопрошающая, уповающая и бунтующая. У Горького она предстает еще более сложной, еще более противоречивой, нежели даже у Льва Толстого.

Творчество Горького — редкая по художественной неотразимости летопись духовных и душевных предчувствий и предощущений, сомнений, колебаний, блужданий, нередко заканчивающихся для размышляющего человека срывом, крушением, падением на дно жизни, но порой — и все чаще — обнадеживающими встречами, озарениями, прозрениями и, наконец, выходом на путь революционной борьбы. В отличие от своих предшественников Горький не оставил без внимания ни одного класса, сословия, ни одной общественной прослойки. Всюду он обнаруживал признаки, знамения все увеличивающегося недовольства таким общественным устройством жизни, при котором человек — «раб — как только родился,

стоянием. Они являлись отражением сомнений, колебаний целых слоев народа.

Все сложности, повороты, причудливые извивы в духовном развитии Максима Горького требуют не менее внимательного и бережного отношения, чем его величайшие художественные произведения.

«А Горький — наш человек...» — говорил В. И. Ленин. — Он слишком связан с рабочим классом и с рабочим движением, он сам вышел из «низов». Он, безусловно, к нам вернется...» Это было сказано в июле 1918-го, а осенью того же года писатель уже находился среди самых активнейших строителей нового мира.

Нет спору, М. Горький, создавая произведения разной художественной силы, рядом с ослепительными взлетами иногда, по его же собственному слову, «срывался». Последнее случалось не только в начале, но и в конце литературного пути, когда он написал настолько уязвимую во многих отношениях пьесу «Сомов и другие», что отказался предоставить ее театрам, как, впрочем, и напечатать. Но разве это может помешать по-настоящему оценить достоинства пьесы «На дне», по праву входящей в десятку лучших пьес, созданных человечеством за все его существование?!

М. Горький неповторим как рассказчик, автор «Старухи Изергиль», «Челкаша», «Однажды осенью», «В степи», «Скуки ради», «Бывших людей», «Коновалова», цикла очерков-рассказов «По

К 120-летию со дня рождения А. М. Горького

ВСЕЛЕННАЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО

всю жизнь раб, и все тут!». Процесс личного, собственного исторического самосознания Горького-писателя, поисков им ответа на коренные вопросы о смысле жизни был органической частью общего процесса революционного становления рабочего класса в России. Это и сделало писателя, «талантливого выразителя протестующих масс», буревестником, буреглашатаем еще до революции 1905 года.

Лучшие из современников видели в нем нового человека, живое олицетворение силы, несущей миру надежду на полное переустройство мира на основах «свободы, красоты и уваженья к людям». Леонид Андреев с завистью говорил Алексею Максимовичу, что все самое возвышенное составляет обычное состояние его души, что и делает его «таким особенным, таким единственным и загадочным». А Андрей Белый впоследствии скажет: «Все мы, к каким бы литературным или общественным течениям ни принадлежали, мы вздрагиваем, слыша голос его, потому что голос его принадлежал голосу современного человечества, подошедшего к кризису всех былых путей жизни».

Порой он сам впадал в заблуждения, в противоречия с самим собой, в ожесточеннейшие споры с лидерами различных общественных течений, с самим В. И. Лениным. Накануне Октябрьской революции и в разгар ее великий писатель занял ошибочную позицию в решении коренного вопроса — удержат ли большевики государственную власть? Он явно переоценил свое «эмпирическое» знание русской жизни и роковым образом недооценил творческую силу революционного чувства и энергии многомиллионных, особенно крестьянских, масс России. Однако его заблуждения, «затмение» не были лишь его личным до-

Руси», этюдов «Бугров», «Знахарка», литературных портретов «Лев Толстой», «В. И. Ленин». Его автобиографическая трилогия прочно вошла в один ряд с «Исповедью» Ж.-Ж. Руссо, «Детством», «Отрочеством» и «Юностью» Л. Толстого. Его роман «Дело Артамоновых» навсегда останется самой решительной отходной эксплуататорскому обществу, к каким бы инъекциям оно ни прибегало, чтобы удержаться на исторической арене. Его роман-эпопея «Жизнь Клима Самгина» вечен, как вечен запечатленный в ней народ, первым вступивший в борьбу за реальный социализм.

Творчеством Горького открывается новый этап в художественном развитии человечества. Писатель выступает перед нами в своей подлинной неповторимости лишь тогда, когда воспринимается в неразрывности главного (чему его исследователи уделяют все внимание) и всех деталей, подчас как бы вступающих в противоречие с этим главным. Он интересен неожиданностью поворотов в потоке мыслей, чувств, слов героев, в том, как в соответствии с изменяющейся жизнью смело изменяет, «выворачивает» ситуации, коллизии, сюжетные узлы, трансформирует художественные типы, казавшиеся незыблемыми после того, как их разработали Гоголь, Достоевский, Лев Толстой.

Пришло время заново перечитать всего М. Горького, не исключая 20 тысяч его писем и примерно 50 тысяч писем, полученных им от товарищей по оружию, общественных и культурных деятелей, рядовых читателей, рассмотреть внимательно каждый микроэлемент в его наследии, не вырывая этот элемент из творческой вселенной, созданной великим писателем.

Ал. ОВЧАРЕНКО

Четыре речи Максима Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей широко известны. Воспроизводились фрагменты этих выступлений и в журнале «Кругозор».

Гораздо менее известны другие уникальные киносъемки и фонограммы выступлений писателя.

К увековечению своей персоны Максим Горький относился более чем сдержанно. Когда в 1911 году кинематографическая фирма А. Дранкова решила выпустить ленту «Горький на Капри», он во время съемок закрывался от направленного на него объектива широкополой шляпой. Тем не менее фильм имел определенный успех. Дополнительную рекламу этой ленте создавали газетные сообщения об отмене ее демонстрации то в одном, то в другом городе. Так, например, в газете «Утро России» 11 июня 1911 года сообщалось, что помощник таганрогского полицмейстера запрещает фильм, ибо Горький есть «враг государственности».

Потом этот фильм был потерян и до середины шестидесятых годов числился в списке найденных. Но вот теперь в Государственном архиве кинофотодокументов, который находится в подмосковном городе Красногорске, мы можем увидеть часть этих съемок (они, как оказалось, вошли в киноленту «Остров Капри»). Мы видим и Горького, и его шляпу, и его спутника, старого моряка, и танец тарантеллу, который исполняется в честь писателя. Снимали Горького и на набережной Сорренто.

Величайшей ценностью архива являются уникальные киносъемки, запечатлевшие М. Горького, выходящего из Таврического дворца в 1917 году и во время проведения Второго конгресса Коммунистического интернационала в 1920 году. Но больше всего сохранилось материала, отснятого после приезда Горького в 1928 году в Советский Союз: встреча на Белорусском вокзале, торжественное заседание Моссовета... Потом мы видим Горького в Октябрьских красноармейских лагерях. Он говорит: «Мог ли я думать, что буду когда-нибудь здесь».

В КОЛЛЕКЦИЮ
РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

РЕЧЬ,
КОТОРАЯ
НЕ БЫЛА
ПРОИЗНЕСЕНА

в лагерях, и меня будут так встречать солдаты?»

Трогательна уникальная киносъемка, запечатлевшая встречу Горького со своими читателями во время возвращения его на Родину в 1931 году, его первую встречу с ними.

— Ни они, ни Горький не знают, сколько еще простоит здесь поезд. Минуту? Несколько секунд?

— Технику сейчас осваиваем, Алексей Максимович.

— Вот это, дорогой, замечательно.

— ...Район коллективизируем...

— Газеточки у вас тут есть свои?

— Не захватили с собой.

— Но есть?

Хор голосов:

— Есть! На стеклоглафе надавливаем многотиражку.

— Ну, пришлите!

— Пришлем! Мы каждую пятидневку выпускаем.

— Куда вам прислать? Я адрес запишу.

— Москва, Горькому. Найдут.

Кадры настолько выразительны, что буквально приковывают внимание.

А вот от другой киносъемки, запечатлевшей выступление писателя на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ в июле 1932 года, сохранилась только фонограмма. Горький говорил: «Вы, молодая гвардия рабочих и крестьян, вы не только рабочие, но и хозяева. Нет и не может быть ни одного вопроса нашей действительности, который стоял бы вне вашего внимания...»

До последнего времени была мало известна киносъемка и речи Горького о кинематографе. Горький видел огромные потенциальные силы документального и публицистического кино, но считал, что пока оно еще не выполняет своей миссии в просвещении населения и социальной активизации народа. «При тех средствах...» говорил писатель... которыми обладает кинематограф, при тех современных технических средствах, он мог бы играть огромную роль... Кинематограф мог бы показать и взрослым, и той вот огромной человеческой массе, которая у нас учится быть хозяевами жизни, все вообще, что совершается

сейчас в мире, и все, что в нем когда-то было».

Речь эта была произнесена в середине сентября 1932 года специально для звукового фильма «Наш Горький».

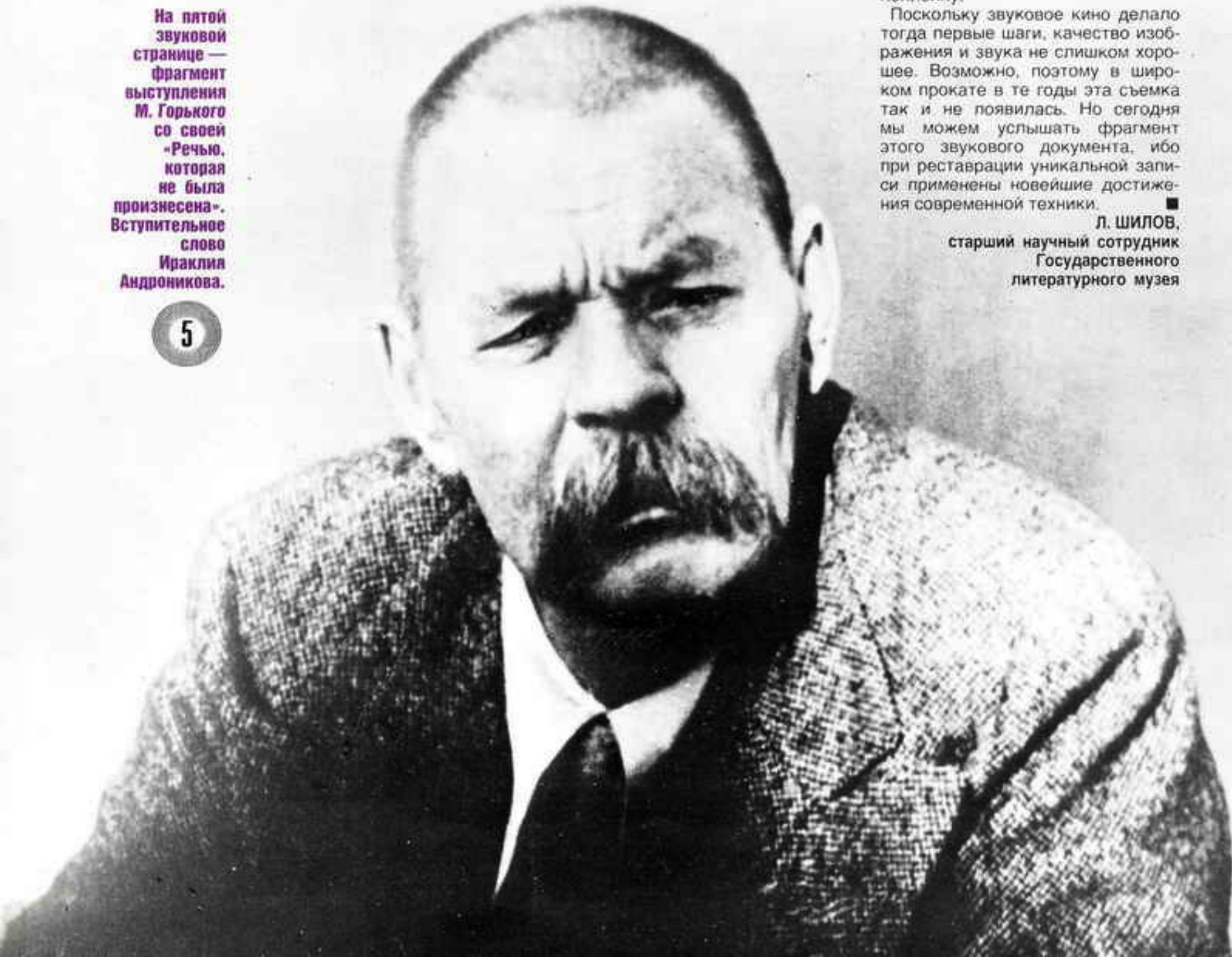
Вероятно, была записана в звуке, но не была сохранена и речь Горького «О советском радиовещании». Он говорил: «Для того чтобы радио действительно стало митингом миллионов, как об этом говорил Ленин, надо, чтобы радио хорошо заработало...» В подтверждение того, что радио еще не справляется с основной своей задачей — подробным и деловым информированием о происходящем в стране, Горький приводит полученное им от одного крестьянина письмо: «Если бы знали, что пятилетка действительно проводится, мы бы потерпели...»

Пожалуй, наиболее интересна история записи антивоенной речи М. Горького. Она печатается в собрании сочинений писателя с подзаголовком: «Речь, которая не была произнесена». Но, как выяснилось, она была произнесена и зафиксирована на звуковую кинолентку.

Поскольку звуковое кино делало тогда первые шаги, качество изображения и звука не слишком хорошее. Возможно, поэтому в широком прокате в те годы эта съемка так и не появилась. Но сегодня мы можем услышать фрагмент этого звукового документа, ибо при реставрации уникальной записи применены новейшие достижения современной техники.

Л. ШИЛОВ,
старший научный сотрудник
Государственного
литературного музея

На пятой
звуковой
странице —
фрагмент
выступления
М. Горького
со своей
«Речью,
которая
не была
произнесена».
Вступительное
слово
Ираклия
Андроникова.

На шестой звуковой странице — музыка Татьяны Сергеевой, разговор с ней и ее импровизация на тему читательницы «Кругозора» В. О. Бевзенко из поселка Баштанка Николаевской области (УССР)

Фото Ю. ДУБРАВИНА

В ЕЕ ИГРЕ ЗВУЧИТ ОРКЕСТР...

Композиция, фортепиано, орган, импровизация — казалось, все грани таланта Татьяны Сергеевой хоть и мельком, но удалось показать на пластинке. Но нет — за звуковым кадром осталась ее игра в камерном ансамбле, остался клавесин, остался... юмор. Юмор пронизаны и ее стихотворные послания в духе поэзии XVIII века (еще одно занятие), и вот автошарж в этих иронических строчках: «Прежде суетные планы, мелки радости тщеславны пробуждали интерес, блески алчные очес. Нынче — нет. Иль май холодный меланхолию принес или возраст переходный, или авитаминоз...»

Из разговора с мамой — Евгенией Анатольевной:

Таня родилась в Калининне, а росла в Москве, там, где мы и живем сейчас — на Песчаных. Шести лет узнала ноты и в это же время стала сочинять. Названия были такие: «Море», «Мамин вальс», «Вопрос и ответ», «Тревога». Когда ей приходила на ум музыка, она страшно боялась забыть и хватала карандаш. Однажды, ей было лет семь, «открытие» произошло в ванной — я мыла ее, — и она с криком: «Я сочинила, я сочинила!» — едва не выскочила оттуда, как Архимед...

Откуда, кстати, у Тани Сергеевой классическая, древнегреческая

«линия» и русский восемнадцатый век в жизни, музыке и... в живописи — она еще, оказывается, и художник, правда, любитель. Вот она показывает мне свою живопись: «Муза Евтерпа и Пегас», «Даная и граммофон», «Аполлон и Дафна»... Но у нее есть и трио «Дафна» для саксофона, виолончели и органа, есть цикл песен «Афродита», есть соната для тромбона и фортепиано, импульсом для которой послужили строки Ломоносова и Лоренцо Медичи. Так откуда же «историзм»? Может быть, от старых книг прадедушки Петра Аполлоновича Сидорова — учителя классической филологии одной из петербургских гимназий? Тут, к счастью, связь времен не распалась, и просвещение дало плоды.

Из разговора с Татьяной Сергеевой:

— У кого вы учились в консерватории?

— Композиции — у А. Николаева, органу — у Н. Гуреевой, по фортепиано я занималась в ЦМШ — у Э. Б. Мусаэлян, а в консерватории — у Л. В. Рощиной — ученицы С. Е. Фейнберга.

— Что вас привлекло в методе Фейнберга и Рощиной?

— Уважение к ученической трактовке, может быть, незрелой, но своей. Ясность взгляда на сочинение и пианизм высокого класса. Рощина рассказывала, что Фейнберг обладал фантастической виртуозностью. На уроке он мог сказать ученику: «Ты играешь безобразно быстро». Потом он садился за рояль и играл еще быстрее. Но при этом каждая нота, видимо, контролировалась так, что создавалось впечатление спокойного темпа. Казалось, он не спешил...

Спешить в несколько ином смысле приходилось студентке Тане Сергеевой. Спешить участвовать в конкурсах. Она понимала, что без звания лауреата исполнительская карьера у нас немыслима. Шесть раз она — блистательная пианистка огромного масштаба — играла на отборочных прослушиваниях перед международными состязаниями. Шесть раз кандидатура Сергеевой «заворачивалась». Когда ее провалили перед конкурсом Бузони, Л. Рощина посоветовала своей ученице перейти к педагогу, чьи «конкурсные акции» стояли бы выше... «Конечно, я отказалась, — сказала Сергеева, — но для моих сольных концертов двери консерваторских залов так и не открылись...» Знакомая картина!..

Чудом, можно сказать, после несправедливых ударов «выжила» и получила известность Татьяна Сергеева. Но что было бы, если бы ее исполнительский спектр оказался чуть уже? Или если бы ее композиторский талант оказался

чуть меньшим? Переиграв массу сочинений советских композиторов в гастрольных поездках по стране и за рубежом, она доказала, что имеет право на многое. Однако прав не прибавилось. Продолжая сочинять (уже готова I симфония), Сергеева вынуждена свертывать свое исполнительство, лишенное выхода к большой концертной аудитории, и пока что она — член Союза композиторов СССР — «служит» концертмейстером в Московской консерватории. Концертмейстер... Кто не слышал этого слова?

Из разговора с концертмейстером Московской консерватории Юлией Ильиничной Коган:

Мы познакомились с Таней Сергеевой 12—13 лет назад и вместе с ней работаем со студентами-дирижерами. Могу сказать, что ощущение ею инструментального звучания уникально — в ее игре слышен оркестр. Технические возможности ее беспредельны. Она читает с листа практически все. Конечно, мышление композитора помогает ей. Но позволю себе чуть-чуть коснуться «прозы». Заработок концертмейстера в консерватории меньше, чем в школе. Официально, на служебном языке, мы зовемся «лаборантами» и в отличие от преподавателей нашего же вуза не имеем права на полный учебный отпуск. Не странно ли все это, особенно в применении к таким замечательным музыкантам, как Сергеева?

Да, Татьяна Сергеева — замечательный музыкант. Сейчас судьба ее (подержимся за дерево!) начинает складываться удачно. Ее сочинения исполняются выдающимися инструменталистами и дирижерами, ищущими новые пути в музыке.

Во втором концерте для фортепиано, оркестра и солирующей трубы она, может быть, уловив самую суть музыки XX века, водрузила причудливую ритмическую пирамиду, наклеив на нее звучащие блестящие тарантеллы, танго, древнего марша. В ее сонате для виолончели и фортепиано словно слышен человеческий голос, пробивающийся сквозь равнодушную дробь телетайпа. Впрочем, «рассказывать» музыку — дело сложное. Сергеева сама не любит этим заниматься. «Музыка — куда ж от нее денешься...» — говорит она, уходя от объяснений. Это вообще ее любимое речение: «Куда ж денешься?» Куда ж ей было деться от музыки, если, по ее словам, однажды ребенком, подойдя к роялю, она как-то нечаянно взяла — до, ре, фа-диез — неполный секунд-аккордик, который, как звуковая стрелочка вошел в сердце: «Я была ранена на всю жизнь, куда ж денешься...» ■

Артем ГАЛЬПЕРИН

РОССИИ НЕПОВТОРИМЫЕ ЧЕРТЫ

«Богоматерь Умиление». Конец XV в.; Ф. С. Рокотов. «Портрет кн. Е. А. Голицыной»; Г. Б. Якулов. «Портрет А. Г. Коонен»; А. В. Лентулов. «Гармонистка»; Ф. А. Малявин. «Рисунок».

Выставка «Образ русской женщины», организованная Клубом коллекционеров Советского фонда культуры, впервые объединила произведения, известные ранее лишь небольшому кругу ценителей искусства. Естественно, одна из важнейших здесь — тема материнства, которая вбирает в себя непреходящие нравственные ценности: любовь и нежность, твердость, готовность к самопожертвованию. Прекрасно отражена эта палитра чувств в одном из наиболее монументальных образов выставки — «Богоматери Умиление» (конец XV в.).

Петровская эпоха определила решительный поворот российского искусства к раскрытию черт конкретного героя.

Внимание художника к цвету неотделимо от интереса к внутренней жизни героинь. Кажется, тонешь в колористическом богатстве и неожиданности полутонов «Портрета кн. Е. А. Голицыной» Ф. С. Рокотова (90-е годы XVIII в.). Красота пластики здесь — это недосказанность и

тайна, поэзия и музыкальность образа, что можно выразить только средствами искусства.

Но если в XVIII—XIX веках портретный образ все еще скован, канонизирован, герой представлен чаще всего в «наиприятнейшем» виде, то на рубеже XIX—XX веков в искусстве совершаются важнейшие изменения — внимание все более переносится на передачу внутреннего мира. Общепринятое уступает место неповторимому, непосредственному.

Изменения, связанные с новой поэтикой образа, происходили не мгновенно — портреты В. Серова, К. Коровина, З. Серебряковой, Ф. Малявина свидетельствуют о напряженности и разнообразии поисков. «Портрет П. А. Мамонтовой» В. А. Серова (1889 г.) привлекает внутренней экспрессией, героиня живет, все в ней полно трепета. Если раньше портрет отличался несколько тяжелой грацией классических поз, то Серов в своих портретах делает акцент именно на естественности, на умении «не позировать», благодаря чему удается передать динамику жизни.

В раскованности пластики находит отражение и творческая свобода художника и модели. Такая позиция, естественно, отражается и на выборе персонажа. Место светских красавиц в творчестве Ф. А. Малявина, шокируя аристократическую публику, занимают простые девки и бабы. И можно сказать, что сарафаны малявинских героинь затмевают блеск придворных нарядов.

В начале XX века в искусстве уже не только как героиня, но и как автор появляется женщина. Творчество З. Е. Серебряковой — прекрасный пример процесса эмансипации, который шел в русской жизни.

Искусство — чуткий барометр социальных изменений, его возрастающую роль в жизни общества отмечают многочисленные портреты актрис. «Гармонистка» А. В. Лентулова (1913 г.) — одно из наиболее значительных произведений выставки. Здесь образ женщины-музыканта получил совершенно новую окраску. Героиня Лентулова играет не перед группой зрителей, а как бы перед всем миром. В этом пафос произведения: подлинное искусство раздвигает стены залов и аудиторий.

Программа демократизма, за которую мы боремся сегодня, находила эстетические формулировки и образы уже в начале столетия. Она пришла вместе с новым, революционным искусством, которое искало свою аудиторию на манифестациях и карнавалах. «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры» — так лаконично формулировал Владимир Маяковский новую эстетическую программу.

Новый мир — это мир будущего, раскрывающийся перед человечеством в поэтической красоте «Портрета А. Г. Коонен» Г. Б. Якулова (1920 г.).

Сравнительно небольшая выставка в новом зале Советского фонда культуры охватила огромный путь, пройденный русским искусством. Образы русских женщин говорят не только об эпохе, в которую они были рождены, но и о высоком назначении человека, его мечте о счастье, вере в творческие силы и разум.

Е. ГОРЧАКОВА

Владимир Иванович КАЛИНИЧЕНКО, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, государственный советник юстиции 3-го класса, отвечает на вопросы корреспондента журнала Веры Толмачевой.

— Несмотря на нашумевшие процессы по делам о злоупотреблениях служебным положением и взяточничестве, которые вам приходилось расследовать вместе с коллегами в течение последних лет, несмотря на суровые приговоры, включая исключительную меру наказания, мы узнаем о новых процессах. Взятки продолжают брать! В чем вы видите «питательную почву», на которой произрастает взяточничество?

В. И. Калининченко: Наверное, прежде всего в формировании у отдельных лиц определенного отношения к жизни, к взаимоотношениям с окружающими их людьми. Начну с примера. Однажды подследственный на допросе сказал мне: «Я сижу потому, что меня погубила жадность. Надо было дать полмиллиона кому следует, например, прокурору». Поразившись цинизму, я с удивлением переспросил: «А почему вы решили, что он возьмет?» И услышал в ответ: «Не знаю, но перед такой суммой никто не устоит».

«Не все зависит от прокурора», — заметил я. «Ну и вам бы дал полмиллиона», — заявил мне он. «Да и от меня не все зависит, — пытался я поколебать его уверенность в возможности подкупа любого должностного лица и продолжил: — Следователей-то по вашему делу работает много». Он: «Ну, уж пары миллионов хватило бы на всех». Представляете образ жизни этого человека и сумму денег, добытых им преступным путем!.. Эти деньги похищены у государства, у нас с вами! Уверенность этого мерзавца можно было бы и не принимать во внимание, если бы не одно «но»: в течение его долгой жизни он сам давал взятки, и суммами немалыми, и, безусловно, был уверен, что подкуп любого лица зависит от суммы, предложенной взяточдателем. Такие деньги от него брали, что и зародило в нем подобную убежденность. Поэтому, если не будут ликвидированы возможности для присвоения крупных денежных сумм, то всегда может найтись человек, который не устоит и сломается — возьмет взятку.

Первопричина взяток — накопление огромных денег у тех, кто нечист на руку. И это совсем не обязательно руководители-перерожденцы крупного ранга. После процесса о злоупотреблениях в системе торговли и общепита г. Сочи, когда наказали руководителей,

СТО ТЫСЯЧ ДЛЯ САМОГО МИНИСТРА

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

В. И. Калининченко

среднее звено — официанты, буфетчики, бармены, продавцы — стало побаиваться давать крупные взятки. Но в силу несовершенства системы торговли и питания, где масса лазеек для воровства, эти люди скапливают крупные суммы денег, нажитых нетрудовым путем, и становятся потенциальными взяточдателями, если речь заходит о покупке ими машины, строительстве дачи, кооперативной квартиры и т. д. Деньги, добытые нечестным путем, скапливаются, и по мере этого разрастается аппетит на разные жизненные блага. А ключ к ним часто один — взятка. Следовательно, необходимо ликвидировать возможность накопления нетрудовых денег конкретными лицами.

— Не кажется ли вам, что несовершенство оплаты труда тоже является одной из причин взяточничества?

В. И. Калининченко: Как раз это и есть второй аспект проблемы. Человек, имеющий маленькую

зарплату и не видящий перспективы увеличения ее, несмотря на выслугу лет и совершенствование своего мастерства, иной раз, поддавшись искушению, стоит перед выбором: идти честным путем к достижению своей цели или пуститься во все тяжкие, решиться на злоупотребления, преступить закон и т. д.

Скажем, та же торговля. В ее нынешнем механизме как бы заложены хищения и получения взяток. Иными словами, мы сами вручаем торговому работнику, у которого низкая зарплата, огромные материальные ценности и открываем пути к манипулированию ими. Кто-то устоит, а другой начнет воровать и брать взятки.

Человек должен иметь ясную перспективу повышения своего материального уровня законным путем. Кстати, проводимая ныне экономическая реформа и новая система хозяйствования должны радикально повлиять в этом плане на изменение материального уровня жизни трудящихся, спо-

На допросе.
Фото П. ПАЗАРЕВА

Корреспондент: Владимир Иванович, какова ваша точка зрения на пересмотр в сторону гуманизации советского законодательства?

В. И. Калининченко: Когда речь идет о закоренелых преступниках или убийцах, наказание должно быть крайне суровым. Но по отношению к другим лицам длительное заключение себя не оправдывает: человек деградирует, и цель наказания — перевоспитание — не достигается. Продолжение разговора на третьей звуковой странице.

собствовать социальной справедливости.

Другой пример. У человека нет жилья. Ему предлагают вступить в кооператив. А реально заработать нужные деньги он не может. Как быть? Иной начинает шашничать, выезжает подработать в совхоз или на стройку. А другой, к примеру, женщина — и таких случаев немало, — занимается унизительным промыслом. Третий ищет пути, чтобы получать взятки. Значит, первостепенная задача — отрегулировать хозяйственный механизм, дать людям возможность привести в соответствие их материальные возможности с жизненными потребностями. С учетом вложенного труда. С другой стороны — не дать возможность паразитирующим элементам наживать капитал.

— Третий аспект — нравственный? Ведь практически едва ли не перед каждым человеком, конечно, при определенных условиях, может встать вопрос: брать или не брать взятку?

В. И. Калининченко: Конечно! Мой подследственный, бывший министр автомобильного транспорта Казахской ССР Караваев, как-то на допросе сказал: «Посидев в камере (а я никогда не думал, что могу оказаться здесь), я пришел к выводу, что каждый руководитель перед назначением должен бы посидеть пару недель в тюрьме, чтобы у него произошла переоценка ценностей». Караваев, как видите, не говорит о высоких нравственных категориях, о чести, долге и порядочности, об элементарной честности. Нет! Он разглагольствует о чувстве страха. Но, что греха таить, преступники подобного рода, которые в течение многих лет безнаказанно совершали крупные хищения, брали тысячные взятки, не мучая себя угрызениями совести, они организовали четкую систему взяток, развратили целый круг людей, похитили у государства немалые ценности. И лишь в тюрьме они одумываются, и то, видимо, потому, что их охватывает страх перед расплатой за содеянное, а потом уже раскаяние!

— Закономерно напрашивается вывод о так называемой «преемственности»: ведь взяточник действует на глазах у детей, создавая им исключительные блага.

В. И. Калининченко: Именно! Я снова приведу пример. Вот мой подследственный определяет в институт свою дочь, которая не обладает высокими знаниями. Дает взятку. Наступает сессия, и дается вторая взятка — за приличную оценку, ибо знаний, повторяю, нет и не предвидится. Эта девушка уже привыкла жить по принципу «ты — мне, я — тебе», что все продается и покупается. Сам отец, который уже находит-

ся в тюрьме и мечтает лишь о глотке свежего воздуха, не понимает, что таким разращением своего ребенка он потенциально заложил в него предрасположенность к преступлению. Вот тут я хотел бы подчеркнуть, что счастье человеческое и благополучие одной семьи не могут существовать обособленно от жизни. Потому что взятки, которые ты сам брал или давал, в конце концов разлагают общество.

Сейчас новые формы хозяйствования, к сожалению, могут привести к новым видам злоупотреблений и преступлений. Возьмите появляющиеся кооперативы. У их зачинателей немало проблем с выколачиванием и ремонтом помещений (а с помощью взятки эти проблемы можно решить быстрее, подумают некоторые): членам кооперативов запрещено отовариваться продуктами госторговли, а рынок пока не в состоянии обеспечить все их нужды. Вот и получается, что существующие нормативные документы, мягко говоря, несовершенны и непродуманны.

— Много ли молодых людей бывают втянуты в подобного рода преступления?

В. И. Калининченко: Их немного, но здесь надо говорить о формах соучастия, ибо все очень взаимосвязано. Судите сами. Фарцовщик или спекулянт накопил большую сумму денег. А когда ему понадобилась машина, он пускает эти деньги на взятку, чтобы купить машину вне очереди. Другой пример. Студенты собирали деньги своему преподавателю, чтобы он принял у них экзамен и поставил приличные оценки. Обычная взятка, когда студенты — взяткодатели, а преподаватель — взяткополучатель. Конечно, все были наказаны по закону. Много молодых людей вовлекается в посреднические услуги (передача денег или их упаковка, подыскивание помещения для передачи взятки и т. д.). Наказание в таких случаях зависит от размера взятки, степени вины, личности и т. д.

— Если сделать выводы из нашей беседы...

В. И. Калининченко: Сегодня нельзя рассматривать решение проблемы взяток как прерогативу только правоохранительных органов. Социологи, психологи, экономисты должны глубоко изучить «питательную почву» этого позорного социального явления и выработать рекомендации для изменения соответствующих структур нашего хозяйственного и социального механизма. Ну, а писатели, журналисты могли бы более глубоко освещать эти проблемы, более правильно формировать общественное мнение о деятельности правоохранительных органов, воспитывать уважительное отношение к закону.

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ: «ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО?»

Получилось так, что «наша редакционная летучка» растянулась на несколько месяцев, и письма о том, каким быть «Кругозору» в 1988 году, приходят и сейчас. В центре внимания наших читателей по-прежнему молодежная проблематика.

Т. Дергунов из Новосибирска так и пишет: «Предлагаю ввести новую рубрику «Как живешь, молодежь?». Это же предлагают и другие наши корреспонденты. Соглашаясь с ними в главном — в необходимости шире освещать жизнь подрастающего поколения, его активное участие в перестройке, мы все же склонны принять сторону большинства участников «редакционной летучки»: расширять круг рубрик. Надо сказать, что именно по предложениям читателей получили в «Кругозоре» «прописку» новые рубрики: «Прорабы перестройки», «Это время с правдой вдвоем», «На перекрестке мнений», «Преступление и наказание», «Это было совершенно секретно», «Камертон эстрады»...

Ширится интерес к нашей жизни, к перестройке, к участию в ней нашей молодежи и за рубежом. Вот о чем пишет молодой человек из Венгрии Л. Хозрич: «Я люблю советских людей и советское искусство. Сейчас и наше общество живет перестройкой. Мы с интересом читаем и слушаем обо всем новом, что происходит у вас. Мне кажется, что редакции стоит разнообразить формы материалов общения с читателями. Например, чаще объявлять конкурсы».

В этом номере мы объявляем фотоконкурс: «Если не я, то кто?». Цель его — глазами читателей показать жизнь сверстников, их активную позицию по всем вопросам сегодняшней жизни. Темой фотосюжетов может быть и учеба, и работа, и досуг, жанровые снимки, проблемы экологии и многое другое. Итак, ждем ваши фотографии. Наиболее интересные будут опубликованы на страницах «Кругозора».

Затрагивает редакционная почта и вопросы молодежной моды, причесок, досуга как формы общения. И, конечно, нравственные проблемы: что такое девичья гордость, мужское достоинство, честь? В сегодняшнем «Кругозоре» своими мыслями на эти деликатные темы делятся космонавт В. Горбатко, главный режиссер театра Ленинского комсомола М. Захаров, заслуженный мастер спорта Р. Дасаев.

Что такое рок-музыка? Каково ее воздействие на человека? Рок — дань моде или серьезное явление музыкальной жизни? Эти и другие вопросы поднимаются в письмах. А. Воробьев из г. Петрозаводска предлагает: «А что, если «Кругозор» откроет рубрику под названием «Рок-панорама», где бы велся разговор о проблемах современной музыки? Ведь чаще всего этот жанр подвергается критике».

Не скрою, и у нас в редакции разные мнения по этой проблеме. В результате возникли материалы, с которыми вы, вероятно, уже успели познакомиться под новой рубрикой «На перекрестке мнений». Нам интересно знать и ваше отношение к этому вопросу.

Р. С. Когда номер был уже сверстан, мы получили из г. Славутича письмо, которое и публикуем с небольшими сокращениями: «Обращаются к вам представители специалистов различных областей (медиков, строителей, энергетиков, пожарных и военных), которые продолжают трудиться на Чернобыльской атомной и строить новый город Славутич. Здесь мы как-то по-особому и остро ощутили, что такое человеческая отзывчивость, сплоченность и взаимовыручка, а также музыка и песня. Хочется напомнить, что трагические события на ЧАЭС были для всех проверкой мужества, стойкости, любви к Родине. В такие дни слезы не помогают, но песня облегчала боль, залечивала раны в душе. Поэтому мы, чернобыльцы, говорим, что если нужна будет помощь в строительстве культурного центра песни, мы примем в этом участие. По поручению большого коллектива И. Зейналов, А. Давиденко, Л. Данилюк и многие другие». А что думаете вы о создании Театра песни?

Марина НАТАЛИЧ, редактор по письмам

Прошлым летом мне довелось побывать в селе Новоспасском под Смоленском, на родине великого Глинки. Услышала я здесь вот какую историю.

Среди мамушек и нянюшек, окружавших будущего композитора, была такая, к которой маленький Миша относился с особой нежностью. Отличали ее и хозяйка дома, называя крепостную по имени и отчеству. А было нянюшке Авдотье Ивановне 13 лет! Но мало кто мог сравниться с ней в певческом искусстве. Народные песни Смоленщины, которые певала Авдотья Ивановна, были в ряду самых сильных детских музыкальных впечатлений будущего композитора.

Время не донесло до нас ни облика, ни голоса Авдотьи Ивановны. «Но, вероятно, она могла быть такой и петь вот так», — подумала я, когда услышала в Смоленске Олю Пьянкову. Оля — студентка Смоленского музыкального училища и совсем ненамного старше той далекой легендарной певуньи.

Олина мама, Светлана Викторовна Пьянкова, — знаток смоленского фольклора. Я записала ее рассказ о песнях края. А потом попросила напеть их. Она улыбнулась: «К сожалению, певческого голоса у меня нет, а вот подпеть могу. Оля, — позвала она. — Иди сюда, давай споем». Так мы познакомились.

Оля статная, белолицая, светловолосая. Держится спокойно, с врожденным достоинством. Я подумала: как ей, наверное, к лицу народный смоленский костюм — белая блузка, от ворота до конца рукава сплошь покрытая красной вышивкой, и темный сара-

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ-ЛЮБОВЬ НАША

7

На седьмой звуковой странице вы услышите народные игровые песни Смоленской области. Поют их Оля Пьянкова и ее мама Светлана Викторовна, которая комментирует публикуемые записи.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «КРУГОЗОРА»

фан с разноцветными полосами по подолу.

Поет Оля охотно. Каких только песен не знает! Смоленские народные календарные, лирические, протяжные, величальные... От и до — все песни свадебного обряда.

Про манеру, в которой поет Оля, специалисты говорят: «Придаться не к чему, это подлинное, смоленское». Обращаюсь к Светлане Викторовне: «Оля ездит в фольклорные экспедиции. Но большую часть года она проводит в городе, живет в его ритмах, звуках. Откуда же у нее, у городской девочки, такое ощущение духа народной песни, ее сути?» «Тут многое от семейных традиций, — отвечает Пьянкова-старшая. — Сколько себя знаю, не помню, чтобы мы не пели в семье на несколько голосов. Дети входят в этот процесс естественно».

Я спросила Олю: «А как встречают ваш студенческий фольклорный ансамбль сверстники, ну, например, в школах?» — «Вначале была и настороженность, даже с оттенком снисходительности, а теперь слушают с вниманием, с удовольствием. Мне кажется, чем дальше, тем больше будет уважения к народной песне. Этому помогает и то, что в последнее время появилось много фольклорных ансамблей, о народной песне рассказывают по радио, в филармонических концертах, по телевидению. Конечно, сейчас много всяких музыкальных течений. Ребята увлекаются эстрадой. Я тоже ее не чураюсь. Но это — увлечение. А песня народная — это любовь».

Л. БОРЗЯК

Фото А. ЛИДОВА и А. РАТНИКОВА

Он постоянно колесит по стране. Позавчера он был в Москве, вчера — в Харькове, завтра будет в Магадане. Застать его хотя бы в течение трех дней практически невозможно. И всегда — в Москве, Харькове, в Магадане ли — он уходит со сцены с мокрым от пота лицом и со сбитым дыханием. Работает, как принято говорить, на износ.

Такое ощущение, что он стал популярен сразу и повсеместно. Причем без содействия радио, кино и телевидения. Средства массовой информации подхватили его песни потом. Вначале были магнитофонные ленты. И тем не менее уже тогда его знали многие — солдаты, артисты, студенты, ученые, таксисты, писатели.

В последнее время об Александре Розенбауме заговорили журналы и газеты: одни — в тоне доброжелательно-снисходительном, другие — журяще-осудительном. На фоне огромных аудиторий, которые собирает сейчас певец с гитарой, эти меланхолические оценки выглядят запоздавшими. И сам он, и его многотысячные залы уже не нуждаются в посредниках.

Я видел Сашу на эстраде. И всякий раз переживал эти два часа его жизни на сцене так, как если бы это были два часа моей жизни — напряженной, ответственной. Он много и безотказно пел, рассказывал то серьезно, то с юмором о своей работе, отвечал на записки. А они бывали разные, чаще — добрые, реже — злые. Что ж, отвечать на задиристые, а порой, к сожалению, и на оскорбительные выпады — это тоже входит в нашу профессию. Другой вопрос — как отвечать.

Розенбаум никогда не опускается до перепалки со слушателями, никогда не теряет достоинства. Казалось бы, какой соблазн мгновенной и остроумной репликой сразить анонимного противника, притаившегося в спасительной бездне зала! Но он отвечает сдержанно и великодушно, ибо понимает, что его единственная и самая надежная защита — творчество.

Непримиримая схватка мнений «за» и «против» — это, видимо, закономерность, сопутствующая судьбе любого талантливого человека. Чем громче споры вокруг Розенбаума, тем с большей уверенностью можно утверждать: он услышан. Он состоялся. И противоположные точки зрения — это тоже признание, ибо о тех, кого не услышали, не говорят, не спорят.

Люди равнодушны к автору и исполнителю своих песен, как и он равнодушен к людям. И это прекрасно.

Леонид ФИЛАТОВ,
заслуженный артист РСФСР
Фото В. ПЕТЕРБУРЖСКОГО

ДВА ЧАСА ЖИЗНИ

ТОВАРИЩ-ПЕСНЯ

В одном из интервью Александр Розенбаум сказал: «Люблю людей, которые умеют работать по-настоящему в экстремальных условиях». Он сам из таких. Когда он студентом валил лес в Ухте, то получил четвертый разряд пильщика-вальщика. После окончания Ленинградского медицинского института пошел работать не в поликлинику, а на «Скорую помощь» анестезиологом-реаниматором.

Коренной ленинградец, Розенбаум родился в семье потомственных врачей и 14 лет жизни отдал этой профессии. Музыкай занимался с детства (окончил музыкальную школу и училище). В 16 лет начал писать песни.

Сейчас он артист Ленконцерта. Сначала пел в рок-группе «Пульс», потом в ансамбле «Шестеро молодых». С конца 1983 года выступает с сольными концертами. Им написано более 500 песен. Выпущено три диска-гиганта: «Эпитафия», «Нарисуйте мне дом», «Мои дворы» (этот диск стал самым популярным в 1987 году). Готовится к выпуску еще одна пластинка — «Дорога длиною в жизнь...». Она посвящена нашим ребятам, сражающимся в Афганистане. Композитор трепетно относится к этой теме, по возможности чаще старается бывать с концертами в Афганистане и считает, что его долг — артиста, гражданина, врача — доставлять хоть какую-то радость нашим солдатам, находящимся вдали от дома.

Известность Розенбаума началась с «одесских песен», но это лишь часть его раннего творчества. Много песен посвящено любимому Ленинграду, но еще больше — войне: «По дороге жизни», «Бабий яр», «А может, не было войны» и другие. Он часто поет эти песни ребятам из детского дома, над которым шефствует, и они их хорошо понимают. Известны и его «казачьи» песни.

Если поет Александр Розенбаум, то в залах и на стадионах яблоку негде упасть. Его мужественные песни о человеческом благородстве, чувстве гражданского долга, о мужской дружбе, надежной в любых испытаниях, о любви, не знающей компромиссов, всегда находят глубокий отклик аудитории, особенно молодежной. И как не вспомнить слова Михаила Жванецкого, что «массовое признание есть массовое признание. Народ не ошибается».

На девятой
звуковой
странице
Александр
Розенбаум
поет
свои
песни
«Размышление
на прогулке»
и «Санька
Котва».

Наше отношение к рок-музыке порой можно сравнить с чувствами человека, который не понимает, что же с ним происходит. Судите сами. Почему такое огромное количество юношей и подростков находится под ее влиянием? Только в Москве их 97 процентов от общего числа молодых людей. Может быть, стоит порадоваться такому массовому распространению музыкальной культуры? Однако научные исследования этого феномена приводят к не столь оптимистическим выводам.

Советскими и зарубежными специалистами уже давно доказано воздействие рок-музыки на психику и организм человека, особенно молодого. Медики отмечают повреждение органов слуха, функций нервной системы. Психофизиологи наблюдают драматическую картину утраты молодыми людьми контроля над способностью к сосредоточению, над умственной деятельностью и волей.

Применение рок-музыкой ритмических приемов, совпадающих с колебаниями биотоков мозга, приводит к потере ее слушателями ориентации и контроля над своим поведением.

Приверженцам рок-музыки хорошо известно вызываемое ею состояние «кайфа». И объясняется это самонаркотизацией организма. Защищаясь от стрессовых влияний внешней среды, в данном случае при воздействии рок-музыки организм начинает вырабатывать самые реальные наркотики типа алкоголя, морфия или никотина.

Массовое распространение рок-музыки дает статистически стабильное увеличение подросткового и молодежного алкоголизма, наркомании, токсикомании. Вы можете возразить: ведь не все становятся токсикоманами. Да, не все. Но все «балдеют» при прослушивании произведений этого «жанра», который вызывает, хотя и не всегда очевидные, биохимические сдвиги в организме.

На первой Международной конференции по борьбе с наркотиками, прошедшей летом прошлого года, указывалось, что «наркоманами стало несметное число молодых людей». Как тут не вспомнить высказы-

вания нашего великого соотечественника К. Э. Циолковского, предупреждавшего об опасностях, тающихся в музыке: «Музыка есть сильное возбуждение, могучее орудие, подобное медикаментам. Она может и отравлять и исцелять. Как медикаменты должны быть во власти специалистов, так и музыка».

Ни один наркотик не приходит в одиночку. Возникнув однажды, «музыкальная» наркомания требует постоянного увеличения доз. Отсюда и появление на улицах и в общественных местах юношей и девушек с наушниками на голове, не желающих или уже неспособных ни на миг расстаться с рок-музыкой.

Много еще загадок таит в себе музыка. Она способна помочь человеку обрести стойкость и мужество, оптимизм и нежность, обнажает тончайшие и благороднейшие грани его души. Но сегодня мы — современники и иной, агрессивной музыки, которая выворачивает человека наизнанку, вызволяя на свет все темные его чувства. Это наглядно проиллюстрировал фильм «Легко ли быть молодым?». На сцене рок-группа. Нарстающий ритм рок-музыки становится бешеным. Молодежь вскакивает со своих мест, устремляясь к сцене, поближе к исполнителям. Мы видим на экране исступленные лица, вздымающиеся руки, слышим нечленораздельные выкрики. Натиск толпы нарастает. Один из участников этого «развлечения» скажет потом: «Я чувствовал в себе какого-то зверя».

О криминальном поведении молодежи особенно под влиянием панка и тяжелого металла с беспокойством заговорила западная печать. Американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» сообщил о 16 садистских убийствах некоего Ричарда Рамиреса, наслушавшегося, по словам его приятелей, музыки группы «Эй-Си/Ди-Си». Суд над 14-летней девочкой из Калифорнии, убившей свою мать, установил, что она находилась в состоянии сильного возбуждения от прослушивания музыки в стиле «тяжелый рок». Как мощное психотропное средство характеризует рок-музыку, может быть, того сам не желая, изда-

тель журнала «Панк» Дж. Холстром: «Рок-н-ролл — форма войны, рок-концерт похож на налет. Что нынешним ребятам нужно — так это третья мировая война». Сравните это с высказыванием юного англичанина: «Я трачу деньги только на пластинки «тяжелого рока», потому что если их поставить достаточно громко — по спине начинают бегать мурашки».

Об одном драматическом эпизоде из жизни гродненской молодежи недавно поведала газета «Советская культура». Молодой человек совершил тяжелейшее преступление. Именно он и был кумиром любителей тяжелого рока. Его поклонники — 14—19-летние ребята накачивали себе мышцы в группах атлетической гимнастики под аккомпанемент записей ансамблей «Собаки рока», «Убивают силой», «Злое сердце», «Молодая кровь» и др. Примечательно, что ритуальные прослушивания «металлических» идиолов дополнялись еще и «токсическим допингом». Газета пишет: «То, что следовало потом, на юридическом языке называется «групповым изнасилованием с особо циничными действиями».

Такие примеры далеко не единичны. Разве не очевидно, что эта музыка — акустическая отмычка, позволяющая контрабандным путем внедряться в святая святых растущего организма и становиться средством растления молодого человека изнутри? И все это в тот самый момент, когда он простодушно и благоговейно воспринимает эту музыкальную информацию!

О серьезной озабоченности происходящим в области музыкальной культуры и не только у нас свидетельствует высказывание профессора Парижской консерватории искусств и ремесел Бруно Люссото, который, разоблачая бездуховность подобной музыки, восклицает: «Это полный ноль. Хуже того, это отрицательная величина, наносящая вред». И заключает: «Так давайте же перестанем экспериментировать на наших детях!»

Присоединимся к его призыву. ■
А. ПОПОВ,
доктор психологических наук,
Е. САВОЛЕЙ

В сегодняшних спорах о рок-музыке скрещиваются полемические шпалы, вспыхивают молнии аргументов, которые каждая из сторон считает наиболее вескими. Можно понять остроту, а иногда и резкость полярных мнений, ибо в конечном итоге их авторы озабочены самым главным — моральной

«ПЕРЕСТАНЕМ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАТЬ НА НАШИХ ДЕТЯХ»

чистотой и нравственным здоровьем подрастающего поколения, высоким уровнем культуры, подлинностью и яркостью искусства, обращенного к молодежи. Надеемся, что вопросы, поднятые в публикуемых статьях, заинтересуют читателей и слушателей «Кругозора» и вызовут желание высказать свою точку зрения. Ждем ваших откликов.

Доктор психологических наук А. Попов и Е. Саволей уверены: рок-музыка а) разрушает слух, нервную систему, б) ведет к утрате молодыми способности к самоконтролю и сосредоточенности, в) ослабляет способность к умственной деятельности, г) грозит потерей ориентации и контроля над своим поведением. На этом основании они сравнивают воздействие рок-музыки с введением в организм морфия и утверждают, что состояние, в котором находятся слушатели рока, вполне может быть охарактеризовано как «самонаркотизация организма».

Страшная картина, что и говорить! Остается только не совсем понятным, почему врачи, которые «уже давно», по словам авторов статьи, вполне единодушны в оценке разрушительной силы рока, пренебрегают своим долгом и не ставят перед мировым сообществом вопрос о запрещении этого вида музыкальной «субкультуры»? Если уж рок — специфическая форма наркотика, то и бороться с ним надо так же, как борются с торговлей наркотическими веществами. В самом деле, знать, что рок наносит организму не просто физиологический ущерб, а ущерб «самый мощный», самый деструктивный, и при этом ограничиваться статьями в газетах и журналах?! Тут надо настаивать на введении в уголовное законодательство разных стран строгих статей, по которым можно было бы распространителей злобной музыки преследовать и наказывать. Так же, как преследуют и наказывают торговцев гашишем или марихуаной.

Врачи тем не менее молчат. И не посылают в ООН меморандумов с требованием спасти молодежь мира от губящего ее чудовища — рока. Может быть, потому, что они совсем не так единодушны в своем отношении к рок-музыке, как это представляется нашим оппонентам. Да и не совсем ясно, насколько корректны в научном отношении те данные о физиологических и психических воздействиях на организм, какие приводятся в статье «Перестанем экспериментировать на наших

детях!». Каким экспериментальным материалом они обеспечены? Так ли уж безупречны в научном отношении эти данные и извлеченные из них выводы? Например, утверждается, что «только в Москве» энтузиастов рока 97 процентов от общего числа молодых людей. Каким путем добыты эти данные и насколько они достоверны в научном отношении? Если цифра действительно так велика, то что отсюда следует? Что 97 процентов молодых москвичей страдают всеми теми физиологическими и психическими травмами, какие авторы статьи связывают с роком?

Но каждый из нас может заверить авторов статьи, что это не так. Что те девушки и юноши, увлекающиеся рок-музыкой, которых мы знаем, не потеряли ни самоконтроля, ни способности к умственной деятельности и не обращались к врачам по поводу нарушений функций спинного мозга. Наоборот, они учатся так же хорошо, как и те, кто ходит в консерваторию на концерты серьезной музыки, психически совершенно здоровы, а после посещения вечеров, где выступают их любимые рок-группы, испытывают душевный подъем, праздничное обострение чувств и восприимчивости.

Авторы статьи приводят несколько случаев, когда под влиянием рока совершались тяжелые сексуальные и всякие другие преступления.

Но опять же неясно, что в этих случаях из чего вытекало? И не было ли увлечение рок-музыкой «параллельным» и, в сущности, ничего не определявшим фактором в тех чудовищных преступлениях, о которых сообщает печать разных стран? С молодежью сейчас всюду, у нас в том числе, дела обстоят совсем не просто. Уголовная хроника почти во всех странах мира дает тому, увы, совершенно неотразимые подтверждения. Но рок ли тут причина и начало всего зла? Чтобы это утверждать, нужны тщательно и широко организованные исследования, а не единичные совпадения: юноша «Икс» обвинялся в изнасиловании, что, по мнению следователя, объяснялось давней приверженностью обвиняемого, предположим, к ансамблю «Игрек».

Но в любви ли к ансамблю «Игрек» тут была причина? А, с другой стороны, разве приверженцы наиболее престижных футбольных команд во многих странах, в том числе и у нас, не совершали нападений на приверженцев других команд? И не устраивали жестоких и кровопролитных побоищ на стадионах? И злобно избивали тех, кто не хотел тут же отречься от своих кумиров...

Но решится ли кто-нибудь на основе этих фактов утверждать, что футбол оказывает наркотизирующее воздействие на психику и что с ним поэтому надо решительно бороться?

Да, молодежь сейчас гораздо легче и чаще, чем когда-либо прежде, возбуждается, впадая в агрессивные состояния, подчас принимающие поистине устрашающие формы и масштабы. Нет сомнения, что, изучая — объективно, непредвзято — этот социально-психологический феномен, надо принять во внимание и воздействие на молодежь рок-музыки. Только ничего не надо преувеличивать и упрощать во имя заданных заранее выводов! Ибо, как я уже сказал, очень непросто установить, что тут причина и что следствие. Увлечение роком — из общих деструктивных процессов, происходящих в молодежной среде, или самые эти процессы — из влияния рока, как, по моему мнению, безосновательно утверждают авторы статьи.

Почему? Во-первых, потому, что нельзя болезненные деформации в молодежной среде сводить к рок-музыке и забывать об истинных причинах — глобального характера — таких, как неверие многих молодых в будущее, порожденное во всем мире страхом перед атомной катастрофой, или как разочарование в социальных институтах, девальвация положительных идеалов, еще недавно господствовавших над сознанием людей на Западе. Надо, во-вторых, глубже, спокойнее вдуматься и в то, как в действительности влияет рок на слушателей. И каким их социально-психологическим ожиданиям он отвечает.

ТАК ЛИ СТРАШЕН ЧЕРТ, КАК ЕГО МАЛЮЮТ?

Фото А. ЛИДОВА
и В. ХАШЕВА

Во влиянии музыки на слушателей есть действительно нечто неразгаданное. Об этом свидетельствует и цитата из К. Э. Циолковского, приведенная в статье, об этом же напряженно размышлял Л. Н. Толстой. В его «Крейцеровой сонате» есть, к примеру, такое рассуждение: «И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю... И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом,— вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижаящим душу образом, а раздражающим душу образом... Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу».

Говорит это Позднышев, герой повести, но всякий, кому приходилось вдумываться в отношении к музыке самого Толстого, согласится с его сыном Сергеем, что это были не только мысли героя повести, но и ее автора также.

Надо ли напоминать, что ни К. Э. Циолковский, которого А. Попов и его соавтор почему-то берут в союзники в своих нападках на рок, ни Лев Толстой появления рока не предвидели. А говорили о той самой классической музыке, музыке Бетховена и Листа, Вагнера и Берлиоза, которую мы сейчас выдвигаем как альтернативу року. И даже как панацею в своей борьбе с охватившей едва ли не весь земной шар рокоманией.

Но мания манией, а сам рок как таковой — это факт совсем другого наполнения и значения. К сожалению, мы все больше атакуем его, не давая себе труда подготовить свои атаки обстоятельным теоретическим анализом. Тогда как, прежде чем бороться с роком, надо было бы серьезно призадуматься над тем, почему же он все-таки так полюбился молодежи.

Я думаю, раньше всего потому, что рок-музыка дает хотя бы временное, хотя бы и иллюзорное, но радостное, даже пьянящее радостное ощущение слияния огромной толпы в некое единое целое, сплоченное одними и теми же эмоциями, одним и тем же чувством полноты и щедрости жизни. В наши дни, когда так велика разобщенность между людьми, когда атомарная структура общественной жизни так губительно сказывается на душевной жизни индивида, возможность хотя бы на время преодолеть эту разобщенность и ощутить себя не атомом, блуждающим в пустоте, а сочленом возникшего под влиянием музыки единства — это возможность радостная и в принципе высоко человеческая.

Искусство касается человеческих душ, но далеко не на всех действует стабильно, радикально. Что же касается рок-музыки, то взглядиться на нее предвзятая толпа, охваченную восторгом и бурно, едино аплодирующую своим фаворитам, и вы увидите, что главенствующим настроением в этой толпе является ощущение счастья! Да, счастья... Радости, вос-

торга... И этот радостный подъем, охвативший молодого человека, и есть то, во имя чего он снова и снова будет стремиться попасть на концерт своего любимого ансамбля.

Второе, что притягивает молодежь к року, — это его праздничность, мажорность. В рок-музыке (я, разумеется, имею в виду ее высокие образцы) эстетически «снимается», преодолевается томящее многих молодых ощущение будничной серости, скуки и эмоциональной незаполненности их повседневного существования. Жизнь-то ведь впрямь часто бывает выкрашена в сероватые тона. А рок — это какие-то сплошные эмоциональные «форте», нечто захватывающее и возбуждающее возможностью хотя бы два-три часа прожить в обстановке всеобщего эмоционального подъема. Как бы на крыльях, в полете.

И в то же время талантливая рок-музыка часто пронизана острым ощущением дисгармоничности жизни, ее вздыбленности, не поддающимися разрешению противоречиями. Ее насыщенности предощущением грядущих глобальных катаклизмов, к которым, понятное дело, особенно чутка именно молодежь.

Согласен, это ощущение драматизма, в реальности каждым переживаемое на свой лад, часто выражается в рок-музыке крикливо, поверхностно. Как-то очень уж демагогично, если по отношению к музыке применимо такое определение. Но то, что молодежь чувствует в роке напряженность, даже перенапряженность современной действительности, выраженной острее, эмоционально грубее, прямолинейнее, но и доходчивее, чем в других искусствах, это тоже факт, который при анализе проблем социального бытования рок-музыки и причин ее распространения обязательно должен быть принят во внимание.

Другое дело, что рок, как никакое другое искусство, часто тяготеет к вульгаризации и оплошлению своих собственных принципов. Это ведет к тому, что в искусстве многих рок-ансамблей оказывается... мало искусства. Но зато много дурного вкуса, дешевки уже в одежде, прическах...

Заметно влияние ошеломить слушателя ничем не оправданными громкостями и экстравагантной броскостью подачи, за которой скрываются все та же безвкусица, низкая музыкальная и общая художественная культура. Хорошие рок-ансамбли, как и хорошие солисты в этом виде музыки, редки, очень редки. А вот тех, кто балансирует на грани пошлости, хоть пруд пруди. Увы, только очень невзыскательный вкус не заметит во многих рок-группах и ориентацию на уже выработанные другими штампы, и дешевую бутафорию в сценических решениях, и, что особенно бывает противно, откровенную физиологичность, к тому же зачастую (особенно часто это бывает на Западе) очень уж специфически окрашенную.

Когда думаешь, что такой вот рок «правит бал» в молодежной среде, делается действительно не по себе. А ведь такой рок стал сейчас почти непреодолимой преградой на пути многих молодых к музыке классической, серьезной! Как-то, когда я выступал по телевидению, мне подали письмо, пришедшее с Крайнего Севе-

ра. Писал молодой человек, не только грамотный, но и хорошо владеющий пером. Но то, о чем он писал, я никогда не позабуду, так это было дико. «Мужики,— обращался он к руководителям Центрального телевидения,— что это вы, совсем с ума посходили? Что вы нас все потчуете бахами и моцартами, которых нам и на дух не надо? Нам другое любо — рок, особенно тяжелый рок, а его по телеку и не передают». Дальше из письма выяснилось, что Баха и Моцарта автор отвергает не потому, что он их познал и убедился в их несозвучии настроениям современной молодежи, а потому, что их он никогда не слышал и впредь слушать не собирается!

Можно (что я и сделал) вспомнить в споре с такими «ниспровергателями» классики, что на концертах в консерватории или в зале имени П. И. Чайковского молодежь всегда занимает большинство мест. Но такое возражение проблемы не снимает. Многие ведь рассуждают так, как он: рок — это наше, а Моцарт или Чайковский — это для стариков. Это им слушать.

Не буду тратить место на то, чтобы разъяснять читателям «Кругозора», какими деформациями — духовными, культурными — такая позиция грозит. Надеюсь, им это и без моих пояснений понятно. Важнее спросить: что же надо делать, чтобы молодые, не только те, кто ходит в консерватории, а и те, кто сейчас в них не ходит, поняли и оценили Бетховена и Чайковского? Запретить рок? Но мы уже убедились на протяжении десятков лет, что запреты в искусстве могут принести удовлетворение ретивым администраторам, но сути процессов, происходящих в зрительской среде, не меняют. Запрещенный рок — это втрое более могущественный рок, надо это понять. Значит, надо серьезно, очень ответственно и по-деловому поработать над тем, чтобы молодежь поняла красоту и благородство классики. Надо суметь очаровать ее звуками Баха и Моцарта, Чайковского и Шостаковича, что сделать, были бы охота и умение, вполне нам посильно. Классика-то ведь не зря так называется...

А с другой стороны, надо решительно изменить отношение к рок-ансамблям. Сейчас они сами по себе, а Союз композиторов, критика, газеты сами по себе. Хранят гордое молчание или, что воздействия ни на кого не оказывает, яростно ругают рок вообще. А надо рок-музыкой заниматься. Надо бороться с дурным, пошлым, вульгарным в ней и вычленивать по-настоящему талантливое, яркое. О рок-ансамблях надо писать так же, как пишут о других видах искусств. Памятуя, что рок — это реальность. И что на него воздействовать надо так, как это издавна повелось в художественной области, — с помощью высокопрофессиональной критики, компетентной именно в этом виде искусства. Уверен, что результаты не замедлят сказаться. Перед лицом критики и просвещенной ею молодежи многое из того, что сейчас делают иные рок-ансамбли, делать станет стыдно. Неловко. Неуместно. И легче станет жить и творить тем, кто истинно талантлив и ответственно относится к своему призванию. ■

«Мы и есть мир» — так называется фрагмент композиции, которую вы услышите на восьмой звуковой странице. Она была создана, исполнена и записана выдающимися звездами рок-музыки США (единственным иностранцем был англичанин Боб Гилдоф). Запись проходила на одной из калифорнийских студий под девизом — «Поможем странам Африки». Авторы композиции Майкл Джексон и Лайонел Ричи, аранжировка Куинси Джонса. Вот некоторые из знаменитых певцов, чьи голоса вы можете различить в записи: Боб Дилан, Даяна Росс, Гарри Беллафонте, Рей Чарльз, Тина Тернер, Билли Джоэл, Брюс Спрингстин и другие.

знаменитом американском рок-певце Майкле Джексоне можно сказать словами Вольтера, сказавшего каноническими: «Если бы Майкла Джексона не было, его надо было бы выдумать». И современная поп-культура Соединенных Штатов выдумала Майкла Джексона.

Мне довелось видеть его еще мальчишкой, когда он под руководством отца выступал со своими братьями в группе «Джексон-5». Уже тогда он выделялся среди братьев.

Фигура Джексона во многом символична. Она отражает подсознательную тягу американского общества к чему-то синтетическому, ирреальному. Вот это бегство от действительности воплотилось в образе певца настолько сильно, настолько пацанодобно и, можно даже сказать, уродливо, что он стал явлением не только музыкальной жизни, молодежной культуры США, но и вообще американского образа жизни.

Любопытно, что этот кумир молодежи во многом напоминает покойного миллиардера Говарда Хьюза. Таинственного толстосума, которого последние годы его жизни никто не видел. Хьюз, как и Джексон, хотел если не бессмертия, то хотя бы абсолютного долголетия. Так же, как и Джексон, он панически боялся общения с людьми, никому не подавал руки без перчатки, носил как теперь Джексон, повязку на носу, подобно хирургам, страшился контакта с действительностью! И тот, и другой, по сути дела, улитки, которые спрятались в свою раковину. Но она их не скрывает, а еще больше высвечивает.

Менеджером Майкла Джексона является Дон Кинг, человек, который прославился как известный промоутер боксеров. Промоутер — это и менеджер, и рекламщик одновременно. Он создал многих знаменитых чемпионов мира по боксу. И то, что он взялся создавать Майкла Джексона, очень показательное.

Джексон, казалось бы, антипод все-му тому, что характерно боксу. Потому что в боксе, если ты надеваешь перчатки, то не для того, чтобы ограничить себя от бацилл, а для того, чтобы свалить своего партнера. На ринге льется кровь, и контакт там самый непосредственный.

Я не знаю, обливается ли кровью душа Майкла Джексона, это уже зависит от его интеллекта, который для меня загадка. Но если он в действительности осознает, что с ним происходит, то мне кажется, что это самый несчастный человек, несмотря на баснословные заработки.

Сейчас в США очень сильно так называемое движение «юнисекса» — своеобразное слияние мужского и женского. Это проявляется и в прическах, и в одежде, и в поведении. Появление такого синтетического образа человека характерно для Соединенных Штатов, где, как в ступке, толкут самые различные различия (в первую очередь между белыми и черными), характеры, чтобы выработать в конце концов единый — американский.

Но это нереально — устранить в Америке расовые разногласия

и различия, можно только сделать вид, что это так. И поэтому происходит следующее: белый человек, чтобы проникнуть в суть жизни черного американца, как это делали некоторые тамошние журналисты, специально красился в черный цвет. Майкл Джексон пошел по их пути — он стал «белым черным». Я не знаю, как это ему удалось, с помощью каких медицинских и косметических средств, но он с тех пор, как я его видел мальчиком, сильно побелел.

Я не считаю случайным появление в Америке тех или иных звезд и идиологов. Ведь их выбирают и делают. Видимо, у Джексона есть человеческие качества, которые помогают ему быть идолом современной американской и не только американской молодежи.

Он очень музыкальный, пластичный и восприимчивый артист. Именно артист, а не только певец. Рисунок его движений четко очерчен, очень элегантен. Манера исполнения может быть и не так глубока, как скажем, у Джона Леннона или Боба Дилана, но он, безусловно, талантливый музыкант, ни на кого не похожий. У него абсолютный слух, великолепная координация движений, он хорошо смотрится.

Конечно, он в какой-то степени марionетка в руках своих продюсеров, пленник времени и обстоятельств. Но он талантлив.

На такую высоту, которой достиг певец, взмывают люди, обладающие чем-то привлекательным для огромных масс слушателей. Случайности тут редки. Если и бывают, то это те самые исключения, которые подтверждают правила.

Не думаю, что певец переживает себя и свою славу, как это произошло с Ленноном. Джексон слишком увязал свою музыку со своим образом. Если учесть скоротечность жизни такого типа звезд, то мне думается, что он войдет в историю поп-музыки как раритет, как диковинная райская птица, а не как человек, который проложил какой-то новый творческий путь.

Я думаю, что совершенно правильно, когда в обращение нашей музыкальной культуры наряду с другими зарубежными исполнителями, обладающими вкусом, вводится и Майкл Джексон. Мы же помним, что произошло с «Битлз». Так или иначе, если не на пластинках фирмы «Мелодия», то уж на рентгеновских пленках они проникли в нашу жизнь и стали неотъемлемой частью быта молодежи. Так что не надо бояться здороваться с Джексонем, как он боится здороваться с нами, он нас ничем не заразит.

Майкл Джексон напоминает мне героню старую басню о мыши, которая мечтала стать птицей. И однажды, придрав себе крылья, она взлетела, но птицы не приняли летучую мышью. Тогда она спустилась на землю, но и мыши не приняли ее. Парадокс Майкла Джексона состоит в том, что его слушают как «мышью», так и «птицей».

Мэлор СТУРУА

После показа по Центральному телевидению сюжетов об американском певце Майкле Джексоне в редакцию «Кругозора» посыпались письма с просьбой рассказать о нем. Учащиеся техникума из г. Напеева Уральской области Дмитрия Пылова, Забродина и другие просят рассказать о пути артиста к успеху. Группа студентов из Днепрпетровска хотела бы узнать об исполнителе более подробно, так как, по их мнению, на страницах печати о нем были противоречивые и довольно краткие заметки.

Читатели Резаева, Васильева, Тихонова и Камолова из Сочи интересуются секретом популярности артиста.

Думается, что статья известного публициста Мэлора Стурова в немалой степени удовлетворит этот интерес молодежи.

МАСТЕРА
ЗАРУБЕЖНОЙ ЭСТРАДЫ

На звуковой
странице
песни
Майкла
Джексона
из альбомов
«Триллер»
и «Бэд».

ЗАГАДКА МАЙКЛА ДЖЕКSONA

ЛИТЕРАТУРА: МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

Прошло первое ощущение эйфории от раскрывшихся перед литературой возможностей — и вот уже раздаются голоса (а их следовало давно ожидать), что никакого подъема литературы не последовало. Если исключить, мол, классиков, то что из недавно опубликованного держит «уровень художественности»?

Что ж, согласимся с тем, что нынешняя злободневная беллетристика, возможно, недолговечна, согласимся и с тем, что время свободной гласности и художественный уровень прозы не находятся в прямой зависимости. И все же она необходима не только тем литераторам, которые маются по запретной теме.

Рискуя оказаться в роли незадачливого пророка, я все же выделю из потока злободневной прозы по крайней мере две вещи, которым рискну предсказать долгую жизнь в литературе.

Увы, новых имен, так, как это случилось в шестидесятых годах, когда, казалось, кто-то выпустил, словно джинна из бутылки, десяток талантов разом, таких имен наше время пока не открыло. Но изменения в писательских репутациях происходят на наших глазах.

Возьмем, к примеру, Фазиля Искандера. У писателя давняя и прочная репутация — еще со времен «Нового мира» А. Твардовского, с повести «Созвездие Козлотура», имевшей бурный читательский успех. На протяжении всех 70-х годов он издавался, печатались рассказы, выходили книги — и, однако ж, у многих сложилось впечатление, что писатель как-то несколько увял, ушел в мир детства, повторяется. Но вот в 1986—1987 годах обрушивается на читателя целый шквал рассказов и повестей Ф. Искандера, и становится ясно: не мало он писал в минувшие полтора десятилетия, да не все мог напечатать.

Означает ли это, что писатель покушался на те политические институты, которые, блюдя свою незыблемость, были вынуждены защищаться? Или что он касался запретных моментов истории? Все-таки нет.

Ни исследовать «белые пятна», ни писать памфлеты у Искандера цели не было. Возьмем «Кроликов и удавов» — философскую сказку, опубликованную в журнале «Юность» (1987 г., № 9). Повесть о сложных взаимоотношениях кроликов и удавов в одной дальней-предальной стране, о том, как удавы сначала гипнотизировали кроликов и затем поедали их, а потом кролики перестали верить в гипноз — и тогда удавам пришлось их просто душить, перед тем как съесть. Историю эту можно прочесть, конечно, как аллегорию.

Но при этом однозначном прочтении ускользнет множество тонкостей, оттенков, ускользнет глубина замысла. Ведь писатель-то пишет не политический памфлет, а размышляет о пороках человеческой природы, и тонкую грусть этой изящной сказки вряд ли способна развеять эпоха самых блестящих начинаний.

Отчего же «Кролики и удавы» не могли быть опубликованы раньше? Да именно оттого, что многие люди не хотели смотреться в зеркала.

Не всякий писатель, возможно, собирается воспользоваться той дверью, которую только что открыли демократизация общества и гласность. Но она все же должна оставаться открытой, иначе в нее невольно тянет, как в запретную дверь в замке Синеи Бороды. Андрей Битов, автор недавно опубликованного романа «Пушкинский дом» («Новый мир», 1987 г., №№ 10—12), вряд ли стремился подобрать ключик к той заветной двери. Он пишет о своем сверстнике, Леве Одоевцеве, литературоведе, не лишенном таланта, подвергая беспощадной вивисекции его хрупкую душу, душу современного

мыслящего человека, занятого интеллектуальным трудом.

Но, оказалось, нельзя вывести генезис героя, Левы Одоевцева, современника и сверстника автора, опустив детство, семью, окружение, запахи времени. Как ни примеряет автор варианты судьбы героя, все получается, что без случившегося с семьей перемещения «во глубину сибирских руд» не обойтись, и не обойтись без деда Модеста Одоевцева, блистательного лингвиста, арестованного где-то в начале тридцатых, и не обойтись без тех, возвращающихся после реабилитации в середине пятидесятых.

«Пушкинский дом» написан семнадцать лет назад. После него Андрей Битов написал немало. Проза его утончалась, усложнялась словесная ткань, росло напряжение мысли, достигшее яркого накала, кстати, в одной из последних опубликованных вещей писателя — «Человек в пейзаже».

И все же рискну заявить — художественно «Пушкинский дом», еще не утративший сюжетности, значительнее. Невольно удивляешься той внутренней свободе, с какой написан этот роман молодым писателем, свободе по отношению к господствующим идеям — что справа, что слева, свободе обращения с материалом, свободе обращения с традицией. Иные говорят теперь: роман запоздал. Я бы сказала иначе: он был написан преждевременно и оттого оказался столь современным сегодня, сейчас. Современным не потому, что открывает глаза на какие-то неизвестные нам стороны жизни или факты истории, но потому прежде всего, что этот роман — один из немногих, который, высоко держа уровень «художества», напоминает о специфических задачах литературы и не сводит всю ее к публицистике.

Алла ЛАТЫНИНА

ВОКРУГ ЗВУКА

Рисунки, которые вы видите, выполнены читателями Т. Тохтамбиевой из г. Воркуты и В. Дмитриевым из г. Рудного, участниками нашего конкурса «Вокруг звука». Ждем новых рисунков.

НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ...

Э то удивительно: мы с Геннадием Хазановым ровесники, а кажется, что он старше. В 1976 году на БАМе я впервые, жуя от страха слова, читал свои монологи со сцены. А рядом со мной несколько шустрых пародистов уже эксплуатировали голос и мимику учащегося «калинарного техника» и имели бурный успех. Успех узнавания зрителями своего любимого артиста — Геннадия Хазанова. Это было уже ИМЯ!

Маска «калинара», которую потом, по счастью вовремя, Геннадий сбросил, принесла ему всеобщую узнаваемость — родную сестру популярности. На концерты с его участием еще, может быть, специально и не рвали, но, попав в зал, зрители радовались вовсю: «Вот здорово! Да это же тот самый!» По-настоящему популярным Хазанова сделал Поступок. Коллеги-артисты, помнится, пришли в ужас, когда Геннадий вдруг отрекся от своего «калинарного придурка» и взялся вместе с писателем Аркадием Хайтом за спектакль. Да какой! В двух отделениях!

Это были сложные для Хазанова дни. Одни осуждали: «Ты в уме? У тебя образ, тебя узнают, все авторы тебе пишут! Что еще нужно для счастья?» Другие предостерегали: «Бросить легко. Найти трудно. Провалишься. Дважды не рождаются!» Третьи тихо завидовали: «Если получится, то это уже новый виток! И откуда такая самоуверенность?» А вслух: «Геночка, умничка, мы с тобой!»

Собратья по сцене, мечтавшие найти свой неповторимый образ, свою узнаваемую всеми маску и так и не сумевшие их найти, считали поступок Геннадия, естественно, безумием, самовлюбленной дерзостью. А что сам Хазанов? Он-то как раз отлично понимал, что не теряет, а обретает, так как освобождается от маски, сковывающей художественные возможности. То, что коллегам казалось несомненным преимуществом: авторы привыкли и пишут, администраторы привыкли и зовут, зрители привыкли и ждут. — Хазановым воспринималось как обуза. И он решительно, в одночасье отрекся от «наработанного» сценического образа. Отрекся «на взлете». Это был поступок, который родил программу «Мелочи жизни» и настоящую популярность артиста у зрителей, поклонников эстрады...

Конечно, человек с таким бойцовским характером в жизни не прост. Добавим к его решительности постоянную творческую неудовлетворенность собой — и вот вам уже первопричина непредсказуемости следующего хода. Умножим это на сомнения и неизменные поиски то жеста, то мимики, то слова. Не будем забывать, что зрители хотят его видеть с постоянно свежим букетом разного рода находок и оттенков. Каждый день большой артист «и он и не он». Теперь нам осталось весь этот «натюрморт» разделить на усталость, раздражение, чей-то порой нелепый, обидный взгляд, а то и окрик...

В конце минувшего года мы провели с Геннадием Викторовичем несколько часов за трудным разговором. Образно говоря, нам пришлось отделять «зерна от плевала», слухи от правды. И потом, в Москонцерте, где работает Г. Хазанов, довелось читать документы со словами: «...таким образом, проявили взаимную

несдержанность». Это рекомендовалось кем-то понимать как «оба правы, не надо ссор!». А на самом деле: приехал артист работать. Ему перед выступлением испортили настроение — заменили зал, аппаратуру, время начала спектакля... Геннадий вспыл, в ответ услышал тоже «не Бальмонта»...

Я показывал Хазанову письма читателей нашего журнала, самые разные, с вопросами, адресованными «самому Хазанову». Геннадий отвечал, недоверчиво косясь на редакционный магнитофон. Иногда смешно, по-хазановски поднимая брови, обращался к жене, Злате, сидевшей с нами:

— Ну, как тебе нравится?! Нет (в микрофон), бульдозер, что два месяца три года назад стоял во дворе у нас под окнами, не мой!

Злате:

— Просто дикость какая-то! Неужели они думают, что мне нужен бульдозер?

Снова в микрофон:

— Это был персональный бульдозер другого артиста...

Что ж, в редакционной почте можно встретить еще и не такое. Но чаще все-таки вопросы деликатнее и точнее: «Верно ли, что «Избранное» — это новая «вывеска» некогда запрещенного спектакля «Очевидное — невероятное»? Или: «Как считает сам артист, принесли «Масенькие трагедии» столь привычный для Хазанова оглушительный успех или произошла «осечка»? И еще: «А правда, что Хазанов ушел из Москонцерта и создал свой театр? Сообщите адрес...»

Я видел оба спектакля. И уже в «Избранном» меня насторожила некоторая затянутасть, — какая-то несвойственная прежнему Хазанову многословность. А потом, после «Масеньких трагедий», написанных М. Городинским, стало понятно, что «Избранное» было только переходом к новой стилистике, по сути, к новому Хазанову, который теперь вдруг (опять — вдруг!) отказал себе в удовольствии нас смешить, а стал вместе с нами размышлять, а точнее, о нас же с нами разговаривать.

Последние работы артиста мне показались все же спорными. Спорными прежде всего с самим Хазановым. Геннадий Викторович не согласился. Он сказал, что у него процесс взросления. Что наконец он нашел новую, более перспективную дорогу. Потом, уже месяц спустя, я вдруг подумал о первом «отречении» Хазанова. Ведь и тогда с ним спорили, а он оказался прав, бросив «до коликов» смешного «калинарного придурка».

Прошло время, и снова нашлись аргументы, чтобы возразить Хазанову. Мне тогда показалось, что рядом с «Птичьим полетом» М. Жванецкого, блистательно исполненным Р. Карцевым и В. Ильченко, «Масенькие трагедии», в гражданском смысле что ли, оставались все же масенькими...

Но после новогодней ночи, когда я увидел и услышал Геннадия Хазанова на экране телевизора, это ощущение прошло. Вы сейчас поймете почему. Поставьте пластинку с записью выступления артиста на диск проигрывателя. Немного прибавьте звук. Итак, слушайте десятую звуковую страницу.

На десятой звуковой странице — монологи «Очень хочется» (Б. Розин) и «Привет от Попки» (М. Городинский, Г. Хазанов) — фрагмент.

10

СМЕХ В ЗАЛЕ

Владимир АЛЬБИНIN
Дружеский шарж В. ШАРКОВОЙ

На звуковой
странице —
песни
С. Муравьева
«Обещаю»
и «Подорожник-
трава»
на стихи
Л. Козловой
и М. Танича.
Фото Л. ТУРОВА

12

Это похвальное слово группе «Лабиринт» — пока что аванс. Но очень надеюсь, что успех сопутствующий новосибирцам с первых гастролей приумножится. Год рождения группы — 1987-й. Годом с творчеством этого коллектива уже успели познакомиться многие побители музыки. Этому способствовал удачный дебют в передаче «Утренняя почта».

«Пришла, увидела и победила!» — можно в шутку сказать об Алисе Мон, неугомонной и звонкой солистке группы. Обаяние и музыкальность этой молодой певицы уже проверены так сказать на телевизионном и фоногеничном — Всесоюзном радио. И сразу же с ее легкой улыбки обрела крылышки популярности незатевливая песенка Сергея Муравьева «Обещаю».

Мудреная это штука — запустить песню! Да так, чтобы ее не только слушать, а и каждому спеть.

захотелось. Далеко не всем авторам и исполнителям выпадает на эстраде такая удача.

Музыкальное направление группы «Лабиринт» во многом определено творчеством ее руководителя, композитора Сергея Муравьева, имеющего большой опыт работы в области поп-музыки. Он лауреат джазовых фестивалей. Многие его композиции были отмечены призами. Мелодичные песни Муравьева запоминаются, и зрители в зале сразу начинают подпевать ансамблю. Концерт группы представляет собой яркое эстрадное шоу: звучит танцевальная музыка разных стилей, каждая песня имеет свое режиссерское световое решение. Составной частью представления стал пластиковый, светящийся помост, имеющий несколько электронных программ.

В «Лабиринте» шесть музыкантов-профессионалов: Алиса Мон и Евгений Чайкин — вокал, Влади-

мир Коновалов — бас-гитара, Роберт Маринин — гитара, Андриан Козин — ударные-компьютерные, Сергей Муравьев — клавишные-аранжировка.

Успешно проходят гастроли группы в разных городах страны. Вышли в эфир новые записи. Шаг за шагом, и уже на Мелодии записан и скоро выйдет первый диск «Лабиринта». Он называется «Возьми мое сердце!». Так что же, своеобразный «сибирский рок»? Ничуть не бывало, просто добротная советская песня. А стиль? Современность — вот какой стиль.

И летят письма-заявки на радио и ЦТ от зрителей, желающих еще и еще встретиться с Алисой и ее друзьями группой Сергея Муравьева «Лабиринт».

Доброго пути вам, сибиряки!
Михаил ТАНИЧ

АЛИСА И «ЛАБИРИНТ»

